

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Порфирий (Попов), архим.

**ЖИЗНЬ
СВ. ГРИГОРИЯ
БОГОСЛОВА**

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

Архимандрита Порфирія.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1864.

(Изъ ежемѣсячнаго изданія: Душеполезное чтеніе. 1864 г. Сентябрь.)

Печатать позволяется, Москва, Сентября 18 дня, 1863 года.

Цензоръ, *Протоіерей Павелъ Беневоленскій.*

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

ГЛАВА I.

Обращеніе отца Григоріева въ христіанство. — Видѣніе Понны о рожденіи сына. — Обѣтъ ея за сына. — Чистота и цѣломудріе, явившіяся Григорію во снѣ. — Первоначальное образованіе Григорія. — Буря во время путешествія въ Аѳины. — Знакомство здѣсь съ Василіемъ Великимъ и Юліаномъ богоотступникомъ. — Прощаніе съ Аѳинами. — Встрѣча съ братомъ Кесаріемъ на пути отсюда.

Въ 325 г. по Р. Х. нѣсколько каппадокійскихъ епископовъ, отправляясь на первый вселенскій соборъ, остановились ненадолго въ мѣстечкѣ Аріанзѣ, близъ Назіанза. Здѣсь мирно и спокойно, въ своемъ помѣстьи проводилъ свою скромную жизнь одинъ почтенный человѣкъ изъ секты ипсистеріевъ, по имени Григорій. Благочестивая супруга его Понна успѣла предрасположить его въ пользу христіанства. Прибывши сюда, епископы воспользовались этимъ случаемъ и убѣдили Григорія принять св. крещеніе ^{а)}).

а) Надгроб. сл. отцу Григорія Твор. Св. Отц. въ русск. пер. Часть 2. Вотъ болѣе подробныя свѣденія, какія передаетъ Григорій о своихъ родителяхъ то въ надгробныхъ словахъ имъ

Спустя пять лѣтъ послѣ сего въ одну темную ночь Ноннѣ привидѣлся сонъ, что будто у нея родилось прекрасное ангелоподобное дитя, и что его назвали, по имени отца, Григоріемъ. Это

то въ стихотвореніяхъ своихъ: „Отецъ мой былъ прекрасный, весьма добрый старецъ, простой нравомъ, истинный патриархъ, второй Авраамъ; онъ былъ отраслю корня, который составился изъ двухъ противоположностей, изъ языческаго заблужденія и подзаконнаго мудрованія, т. е. принадлежалъ къ сектѣ испостаріевъ, которые, почитая единаго Вседержителя, отвергая идолы и жертвы, поклонялись огню и свѣтильникамъ, и уважая субботу и до мелочи соблюдая постановленія о животныхъ, не принимали обрѣзанія“ (сл. 18, 104). Впрочемъ и до обращенія въ христіанство отецъ Григорія извѣстенъ былъ многими добрыми душевными качествами. Въ изычествѣ онъ столько отличался цѣломудріемъ, что былъ вмѣстѣ и весьма любезнымъ и самымъ скромнымъ, а при этомъ показывалъ и добровольную покорность женѣ; правдивость его была такъ велика, что, проходя первыя должности въ государствѣ, не приумножилъ своего имѣнія ниодною драхмою, хотя другіе, какъ извѣстно, пухли отъ гнусныхъ поборовъ (18, 106). Мать Григорія Нонна, происходя отъ благочестивыхъ родителей, сначала превосходила своего супруга благочестіемъ и по тѣлу только была женщина, а по нравамъ превышала мужчинъ (стих. 7 стр.). Думаю, говорить Григорій Богословъ, что если бы кто, ница для себя совершеннѣйшаго супружества, обошелъ всѣ концы земли и весь родъ человѣческій, то не нашелъ бы лучшаго и согласнѣйшаго. Въ немъ такъ соединились всѣ превосходныя мужескія и женскія качества, что бракъ по всей справедливости можно было назвать союзомъ добродѣтели. Однѣ изъ женъ обыкновенно отличаются бережливостію, а другія благочестіемъ, но мать моя превосходила всѣхъ тѣмъ и другимъ и въ каждомъ достигла

видѣніе было отвѣтомъ на молитву Ионы о дарованіи ей сына; при этомъ, подобно матери Самуиловой, она произнесла обѣтъ посвятить испрашиваемаго сына Богу, и когда удостоилась исполненія своей молитвы, съ особенною ревностію озаботилась и исполненіемъ обѣта. Этотъ-то сынъ молитвы матерней и получилъ въ послѣдствіи наименованіе Григорія Богослова. Какъ скоро сынъ сдѣлался способнымъ понимать наставленія, Иона, обнимая его, сказала ему, что она также передаетъ его Богу, какъ Авраамъ

верха и совершенства. Попечительностію и неусыпностію она такъ умножила все въ домѣ, какъ бы вовсе не знала благочестія. Но и столько была усердна къ Богу и всему божественному, что какъ бы не занималась домашними дѣлами. Умѣя приобрѣтать нужныя стяжанія, она умѣла и благотворить, и въ ней такъ было непомѣрно желаніе раздавать милостыню (а задача сія лежала на ея рукахъ), что если бы позволили ей черпать изъ атлантическаго или другаго обширнѣйшаго моря, и того бы ей не достало. Все имущество (120 ст.), какое было въ ея домѣ, она почитала скуднымъ для дѣлъ благотворенія и неоднократно говаривала, что, если бы можно было, въ пользу нищихъ отдала бы себя и дѣтей. Кромѣ сего она болѣе всѣхъ въ то время оказывала уваженіе рукъ и лицу священниковъ. Въ ней нельзя не признать важнымъ и того, что никогда не обращала хребта къ досточтимой трапезѣ, никогда не плевала на полъ въ Божіемъ храмѣ; встрѣчаяся съ язычницею, никогда не слагала руки съ рукою, не прикасалась устами ко устамъ, хотя бы встрѣтившаяся отличалась скромностію и была изъ самыхъ близкихъ; со вкушавшими нечистой трапезы, не только добровольно, но и по принужденію не раздѣляла соли. Еще уди-

Исаака, умоляла его во все время жизни сообразоваться съ ея святымъ желаніемъ, и всего болѣе внушала ему заниматься чтеніемъ св. Писанія, для чего въ дѣтствѣ еще подарила ему свитокъ священнаго Писанія.

Въ это время мое нѣжное сердце, говоритъ Григорій, было подобно недавно сѣдшему творогу, который скоро принимаетъ видъ всякаго сосуда (4, 311.). А потому матерія на-

вительнѣе го, что она хотя сильно поражалась горестями даже чужими, однако же никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный гласъ исторгся прежде благодаренія, или чтобы при наступленіи свѣтлаго праздника оставалась на ней печальная одежда. Иновѣріе супруга такъ было тяжело для ея сердца, что она день и ночь припадала къ Богу въ постѣ и со многими слезами просила у него даровать спасеніе мужу ея. Кроме молитвы и собственной ревности о благочестіи, къ обращенію его на путь истины она употребляла и другія доступныя средства: и упреки и увѣщанія, услуги и отлученіе; при всемъ этомъ понимала, что ей надобно какъ водѣ пробивать камень, непрестанно падая на него по каплѣ, и отъ времени ожидать успѣха; наконецъ одно сновидѣніе мужа представило ей прекрасный случай къ его обращенію въ христіанство. Отцу моему представилось, говоритъ Григорій, будто бы поетъ онъ стихъ Давида: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ*. Мать объяснила сновидѣніе въ самую добрую сторону; и онъ вскорѣ согласился принять крещеніе. Во время крещенія, когда выходилъ изъ воды, осіялъ Григорія необыкновенный свѣтъ, видѣнный и многими изъ присутствовавшихъ, особенно же тѣмъ, кто крестилъ и миропомазывалъ его. Черезъ нѣсколько времени Григорій былъ посвященъ въ пресвитера, а вскорѣ и въ епископа. Несмотря на то, что его пасомые упо-

ставленія такъ сильно подѣйствовали на мое сердце, что я еще въ дѣтствѣ обнаруживалъ какую-то старческую степенность и рѣдкіе порывы къ подвигамъ благочестія; мало по малу какъ облако къ облаку скоплялось во мнѣ усердіе къ усовершенію, съ радостію читалъ я книги,

добылись пажити заросшей лѣсомъ и одичавшей, онъ безъ труда умягчилъ ихъ нравы, какъ благоразумными пастырскими наставленіями, такъ и тѣмъ, что себя самого предлагалъ въ образецъ всякаго превосходнаго дѣла. Желая внушить усердіе къ богослуженію, онъ пожертвовалъ часть денегъ на постройку (115 стр.) такого храма, лучше котораго и нельзя было желать Пазіанзіанамъ. Послѣ посвященія во епископа, въ сострадательности и щедрости къ нищимъ Григорій нисколько не уступалъ супругѣ, а въ тоже время отличался и глубокимъ смиреніемъ, но смиреніе выражалъ не согбеніемъ выи, не пониженіемъ голоса, не наклоненіемъ внизъ лица, не походкою, но признаніемъ своего недостойнства предъ Богомъ. Въ незлобіи онъ могъ равняться съ архидіакономъ Стефаномъ,—у него не было промежутка времени между выговоромъ и прошеніемъ, такъ что скоростію помилованія почти всегда закрывалось огорченіе, какое соединялось съ его выговоромъ (123). Въ числѣ угрозъ бывали колеса и бичи, являлись и исполнители наказанія, бывала опасность пожатія ушей, удара въ щеку, пораженія въ челюсть, но этимъ и прекращалась угроза. Роса долѣе удерживаетъ солнечный лучъ, падающій на нее утромъ, чѣмъ въ лемъ удерживался какой либо остатокъ гнива. Да ему не пужно было и раздражаться, потому что онъ былъ страшенъ для оскорбителей и одишмъ своимъ благочестіемъ. Не произносилъ онъ ни одного слова молитвеннаго или клятвеннаго, за которымъ бы не послѣдовали тотчасъ или долговременное благо, или временная скорбь. Многихъ изъ огорчившихъ его постиг-

въ которыхъ проповѣдуется о Богѣ, и имѣль обращеніе съ мужами, которые совершенны по правамъ (6, 8); Христосъ явно бесѣдовалъ съ рабомъ своимъ, и когда я достигъ лѣтъ отроческихъ, связалъ меня любовію къ цѣломудрію,

до въ скоромъ времени явное Божіе наказаніе; иныхъ бросали вверхъ волю, сдавленные ярмомъ, другихъ повергали на землю и топтали кони, дотолѣ самые покорные и смиренные, а нѣкоторыхъ постигала сильная горячка и мучили мечтанія о собственныхъ проступкахъ. При частыхъ болѣзненныхъ припадкахъ Григорій искалъ утѣшенія и подкрѣпленія только въ молитвѣ и въ совершеніи литургіи, и, что особенно удивляло всѣхъ знавшихъ его тогда, этилъ средствомъ въ праздникъ пасхи онъ излѣчился отъ такой болѣзни, которой окончанія нисколько нельзя было ожидать въ скоромъ времени. Въ царствованіе Юліана онъ такъ открыто и безболѣзненно противо-дѣйствовалъ коварнымъ замысламъ богоотступника, какъ это можно представить только въ жаркомъ ревнителѣ вѣры и благочестія (133). Что касается до умственныхъ его качествъ, то хотя и поздно началъ онъ учиться слову Божію, но, занявшись имъ со всѣмъ усердіемъ, въ непродолжительномъ времени пріобрѣлъ столько мудрости, что содѣлался учителемъ православія (165), отцемъ и пастыремъ пастырей (311) и даже какою-то мощію пастырей (6, 7). Не перечисляя другихъ достоинствъ своихъ родителей, св. Григорій въ похвальному словѣ имъ дозволилъ себѣ сдѣлать такое обращеніе къ слушателямъ; „всѣмъ вамъ извѣстны мои родители, видимы и слышимы ихъ добродѣтели, вы подражаете и удивляетесь имъ, а незнающимъ, если есть таковые, рассказываете, избирая для сего одинъ то, другой другое, да и невозможно было бы одному пересказать о всемъ. Такое дѣло, сколько бы кто ни былъ неутомимъ и ревностенъ, требуетъ не одного языка (Сл. 7, 242).

обуздалъ мою плоть, вдохнулъ въ меня горячую любовь къ божественной мудрости и къ жизни монашеской (4, 225). Душа Григорія была такъ чиста, безмятежна и выспрення въ созерцаніяхъ, что и во снѣ предносились предъ духовными его очами христіанскія добродѣтели въ олицетворенномъ видѣ. «Такъ, когда я былъ еще юнымъ отрокомъ, говоритъ Григорій, среди глубокаго сна мнѣ представлялось, что подлѣ меня стоятъ двѣ дѣвы въ бѣлыхъ одѣждахъ, обѣ прекрасныя и одинаковыхъ лѣтъ. Все убранство ихъ состояло въ томъ, что онѣ не имѣли на себѣ уборовъ. Поясъ стягивалъ ихъ прекрасную одежду, спускавшуюся на ноги до пятъ. Головное покрывало закрывало ихъ ланиты, и онѣ стояли поникнувъ взорами къ землѣ. Но изъ-подъ покрывала плотно прилегавшихъ къ лицу, можно было примѣтить, что обѣихъ украшалъ прекрасный румянецъ стыдливости. Уста ихъ, заключенныя молчаніемъ, уподоблялись розѣ, лежащей въ окропленныхъ росой чашечкахъ. Онѣ полюбили меня за то, что я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ; какъ милаго сына цѣловали меня своими устами, и на вопросъ мой, что онѣ за женщины и откуда, отвѣчали: одна изъ насъ—чистота, а другая—цѣломудріе. Мы предстоимъ Царю Христу, и усаждаемся красотами небесныхъ дѣвственниковъ. Соедини и ты умъ твой съ нашими сердцами, и свѣтильникъ твой съ нашими свѣтильниками, и мы тебя, просвѣтленнаго, пере-

несемъ чрезъ эфирныя высоты, поставимъ предъ сїяніемъ безсмертной Троицы. Сказавъ сіе, онѣ унеслись по эфиру, и взоръ мой слѣдовалъ за отлетающими.» — Этотъ сонъ рѣшительно и навсегда побудилъ Григорія отринути тяжелое иго супружества и возлюбилъ высокій жребій вѣчноюныхъ существъ, т. е. ангеловъ; и въ лѣтахъ мужества сердце Григорія, по собственнымъ словамъ, долго и часто услаждалось досточтимыми видѣніями этой незабвенной ночи и обликами свѣтлой дѣвственности. Но въ отрочествѣ же, когда еще не опушились ланиты Григорія, имъ овладѣла какая-то пламенная любовь къ наукамъ (6, 9). Чрезъ это Промыслъ видимо приготовлялъ его къ высокому служенію въ Церкви, для котораго недостаточно было того образованія, какое могъ найти въ дому родительскомъ, или въ сообществѣ съ людьми, заботившимися только о спасеніи своей души, но незнакомыми съ духомъ научнаго образованія. Съ свѣтскими науками Григорій прежде всего ознакомился въ Кесаріи Каппадокійской, но долго ли онъ обучался здѣсь, неизвѣстно; въ сочиненіяхъ Григорія есть указаніе только на то, что онъ здѣсь же положилъ начало знакомству съ Василіемъ Великимъ (сл. 43). Послѣ сего побывавъ напередъ на родинѣ, онъ отправился въ Кесарію Палестинскую, гдѣ также процвѣтало училище краснорѣчія (сл. 7), и гдѣ слушалъ ритора Оеспесія. Затѣмъ онъ собралъ нѣсколько свѣдѣній въ Александріи

(6, 9), и отсюда, движимый пламенною любовію къ приобрѣтенію познаній, отправился въ Аѳины въ ноябрь мѣсяць, во время самое опасное для плаванія по морю. Когда огибали островъ Кипръ, поднялась страшная буря и двадцать дней держала всѣхъ пльвшихъ въ чрезмѣрномъ страхѣ и опасеніи за свою жизнь. При этомъ и корабельные служители, и хозяева корабля, и путешественники, всѣ даже незнавшіе прежде Бога, единогласно призывали Христа для избавленія отъ смерти обыкновенной. Но для Григорія еще ужаснѣе была смерть внутренняя; въ этомъ поставлялъ онъ главнымъ образомъ свое несчастіе, и потому терзалъ свою одежду и возносилъ вопли, заглушавшіе сильный шумъ волнъ; онъ плакалъ и скорбѣлъ въ это время всего болѣе о томъ, что убійственныя воды лишали водъ очистительныхъ, безъ которыхъ не надѣялся на соединеніе съ Богомъ. Въ пламенной молитвѣ ко Христу, изчисливъ всѣ чудеса Божіи, описанныя въ священныхъ книгахъ, Григорій произносилъ и такія, исполненныя сильной вѣры, слова: «Для Тебя, Господи, буду я жить, если избѣгну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. И теперь ученикъ Твой обуревается волнами. Отряси сонъ, или приди по водамъ и прекрати опасность.» Вскорѣ за симъ послѣдовало исполненіе прошенія. Волны морскія стали укрощаться и корабль присталъ къ Родосу. Это быстрое укрощеніе бури всѣ бывшіе съ Григоріемъ на кораблѣ сочли при-

обрѣтениемъ одной молитвы Григоріевой, и тѣ изъ нихъ, которые были язычниками, по этому случаю приняли христіанство. Въ послѣдствіи Григорій узналъ, что онъ избавленъ отъ опасности и по молитвамъ своихъ родителей, которые извѣщены были о его бѣдствіи такъже чрезъ сновидѣніе, и которые, при воспоминаніи сновидѣнія, такъже усердно молили Господа объ избавленіи ихъ сына.

Изъ Родоса, гдѣ на нѣсколько времени остановился корабль, Григорій вскорѣ прибылъ въ Аѳины, и здѣсь около 6 лѣтъ посѣщалъ Аѳинскія училища, особенно слушалъ уроки лучшихъ того времени учителей — Пмерія и Проэресія; краснорѣчіе послѣдняго онъ называлъ новымъ громомъ въ Аттікѣ. Но Аѳинамъ Григорій остался благодаренъ не столько за науки, сколько за утвержденіе дружества съ Василіемъ. «Аѳины, обитель наукъ, говоритъ онъ, если для кого, то для меня подлинно золотыя и доставили мнѣ много добраго. Онѣ совершенноѣе познакомили меня съ симъ мужемъ, который одинъ и жизнью и словомъ всѣхъ былъ выше. Ища познаній, обрѣлъ я счастье, испыталъ на себѣ то же, что Саулъ; Саулъ, ища отцовыхъ ословъ, нашелъ царство, такъ что придаточное къ дѣлу вышло важнѣе самаго дѣла. Ничто подобное было и со мною (4, 66). Неразлучно проводя время съ этимъ другомъ и раздѣляя съ нимъ всѣ печали и радости, Григорій, по собственнымъ его словамъ, жилъ здѣсь какъ и всегда въ Божіемъ

страхѣ, и не только не увлекался за тѣми, которые въ порывахъ отважной стремительности предавались излишествамъ, но самъ привлекалъ друзей къ духовному совершенству (6. 12). Опытъ быстрого и вѣрнаго различенія добрыхъ товарищей отъ худыхъ, но притворныхъ, представляетъ сужденіе его объ Юліанѣ отступникѣ, который въ это время бралъ уроки въ философіи и краснорѣчій также у Аонискихъ софистовъ. «Мнѣ не предвѣщали, говоритъ Григорій, ничего добраго: шея не твердая, плеча движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглые, наглые и свирѣпые, ноги не стоящія твердо, но сгибающіяся, носъ выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываніе назадъ головы безъ всякой причины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочные и несвязные, отвѣты ничѣмъ не лучшіе, не твердые и не подчиненные правиламъ; и я тогда же, какъ увидѣлъ его, сказалъ бывшимъ со мною: какое зло воепитываетъ Римская имперія! Предрекли это, Григорій, желалъ быть ложнымъ прорицателемъ (1, 198), но къ сожалѣнію увидѣлъ въ послѣдствіи оправданіе своего предсказанія. ⁶⁾

6) Изъ этого отзыва св. Григорія объ Юліанѣ можно видѣть и то, что, по его мнѣнію, наука, извѣстная подъ именемъ физиогномики, не есть плодъ одного суевѣрія, но имѣетъ для себя и довольно твердыя основанія.

Несмотря на строгость жизни Григорія и разборчивость въ знакомствахъ, даже и легкомысленные и разгульные товарищи весьма любили и почитали его (4, 77). Это особенно обнаружилось при отправленіи его изъ Аоишь. Когда наступилъ тридцатый годъ жизни, Григорій рѣшился возвратиться въ отечество, вмѣстѣ съ Василюемъ. Того и другаго стали упранивать остаться въ Аоинахъ. Василій представилъ много причинъ, требовавшихъ скорого отъѣзда. Но для Григорія къ заклинаніямъ и слезамъ присоединили даже и насиліе. Съ великою поспѣшностію окружили его всѣ чужеземцы, близкіе знакомые, сверстники и даже учителя. Крѣпко схвативъ его за одежду и за руки, они сказали: «что ни будетъ, не выпустимъ отсюда. Почтенныя Аоины не должны лишиться тебя: онѣ по общему приговору отдадутъ тебѣ первенство въ словесности». Припоминая все это уже въ глубокой старости, св. Григорій замѣчаетъ: одинъ развѣ дубъ могъ противиться столькимъ слезамъ и убѣжденіямъ; и я уступилъ просьбѣ, впрочемъ не совершенно, потому что меня влекло къ себѣ отечество. Тамъ посвятить себя любомудрію, казалось мнѣ прекраснѣйшимъ дѣломъ. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостию и временемъ. Поэтому не долго пробылъ я въ Аоинахъ, скрылся оттуда почти тайно и пустился въ путь чрезъ Константинополь (6. 13). Здѣсь Григорій неожиданно встрѣтился съ братомъ своимъ Кеса-

ріємъ, который возвращался изъ Александріи, и тѣмъ болѣе радовался этой встрѣчѣ, что считалъ ее не случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но особеннымъ дѣйствіемъ Промысла. «Матерь, отпуская дѣтей своихъ, усердно молила Бога, о томъ, чтобы Онъ также въ одно время возвратилъ насъ, какъ въ одно время мы отправились, хотя и въ разные города и школы» (сл. 7). И ея молитва была услышана.

ГЛАВА II.

Общій взглядъ на скорби Григорія. — Колебанія въ избраніи образа жизни. — Воспоминанія о посѣщеніи пустыни повтійской. — Причина удаленія въ пустыню Василию послѣ посвященія въ пресвитера. — Возвращеніе въ Назіанзъ къ пасхѣ по требованію отца. — Пріемъ сдѣланный ему и слова произнесенныя имъ по возвращеніи. — Заботы Григорія объ утѣшеніи отца при отдѣленіи отъ него нѣкоторыхъ пасомыхъ по поводу неблагопріятныхъ толковъ о братѣ Кесаріѣ. — Значеніе обличительныхъ словъ Григорія противъ Юліана. — Заботливость Григорія о примиреніи Василія съ епископомъ кесарійскимъ. — Письмо его по сему случаю къ Евсевію. — Помощь Василію въ борьбѣ съ аріанами. — Огорченіе Григорія по случаю смерти Кесарія. — Побужденія къ произнесенію надгробныхъ словъ ему и сестрѣ Горгоніи. — Отвѣтъ Василію на его приглашенія въ Кесарію. — Болѣзнь Поины. — Посвященіе Василія послѣ его рукоположенія въ епископа и защищеніе его по возвращеніи въ Назіанзъ. — Сдѣйствіе отцу и Василію въ борьбѣ съ аріанами.

Жизнь Григорія Богослова, слѣдующая за періодомъ образованія, есть не что иное, какъ исторія его несчастій; по крайней мѣрѣ такъ называетъ ее самъ Григорій. Самое посвященіе во пресвитера, и возведеніе на епископскую

каюдру для Григорія было причиною глубочайшей скорби. Поэтому и въ біографіи его больше всего придется слѣдить за обнаруженіями его скорбей. Выраженіе снхъ сердечныхъ скорбей составляетъ главный предметъ многихъ его историческихъ словъ и стихотвореній; посему объяснить причины и силу различныхъ скорбей Григорія не иначе можно, какъ передавши содержаніе большей части его сочиненій. Отказаться же отъ объясненія, умолчать о впечатлѣніяхъ, какія производили на Григорія нѣкоторыя событія и поручаемыя ему должности, значило бы оставить его безъ біографіи, или по крайней мѣрѣ безъ изображенія характеристическихъ его свойствъ. Григорій Богословъ самъ предчувствовалъ, что его скорби не могутъ быть поняты всѣми; посему писалъ: «есть древнее сказаніе, что если злая ехидна наложитъ зубы и нанесетъ губительную рану, уязвленный только тому охотно пересказываетъ о семъ, въ кого безжалостная ехидна съ своими палящими ядами влила ту же пагубу, ибо только такой человекъ знаетъ нестерпимость пагубы. Такъ и мой рассказъ съ любовію приметъ и пожелаетъ знать тайны слезящаго сердца только тотъ, у кого одинакая со мною печаль, одинакое страданіе и одинакое бремя креста. Но я возбудилъ бы смѣхъ, рассказывая о своихъ горестяхъ другому, особливо въ комъ вѣра слегка напечатлѣлась на поверхности сердца, въ чью внутренность не

проникла крѣпкая любовь къ небесному Царю, кто живетъ на землѣ, помышляя болѣе о томъ, что одиодневно. Да погибнуть такіе люди».... Отсюда видно, каково должно быть расположе- ніе сердца для того, чтобъ свѣденія о дальнѣй- шей жизни Григорія могли быть приняты съ полнымъ сочувствіемъ.

Въ кровь родительскіѣ изъ дальнихъ стра- ствій, предпринятыхъ съ цѣлію получить все- стороннее образованіе, Григоріѣ возвратился около 356 г. Сograждане его непремѣнно хотѣли испытать, чему и каково онъ учился такъ долго; а посему, покоряясь ихъ желанію, онъ показаль имъ опыты своего краснорѣчія; но въ чемъ состояли они, неизвѣстно. Григоріѣ увѣряеть только, что у него вовсе не были при этомъ въ виду ни рукоплесканія, ни говоръ удивленія, ни упоенія, ни поклоненія, которыми въ толпѣ мо- лодыхъ людей восхищаются софисты, и что эти опыты послужили какъ бы предуготовительнымъ упражненіемъ къ будущимъ подвигамъ или пред- дверіемъ важнѣйшихъ таинствъ. Вѣроятно вско- рѣ по возвращеніи въ отечество Григоріѣ при- нялъ и св. крещеніе; оно, по предположенію боль- шей части ученыхъ, откладывалось такъ долго изъ подражанія примѣру Спасителя, который крестился *ильй лѣтѣ яко тридесать*. За симъ предстояло окончательное избраніе рода жизни. Усильно и долго размышляль Григоріѣ объ этомъ, одномъ изъ самыхъ мудреныхъ вопросовъ

въ жизни. «Рѣшившись все плотское врипуть въ глубину, пишетъ онъ самъ о себѣ, когда сталъ я разсматривать самыя пути божественныя, не легко было найти путь лучшій и гладкій. Приходили мнѣ на мысль Илія Оосвятянинъ, великій Кармилъ, достояніе Предтечи — пустыня. Съ другой стороны переселивали любовь къ божественнымъ книгамъ и свѣтъ Духа, почерпаемый при углубленіи въ Божіе слово, а такое занятіе не дѣло безмолвія и пустыни. Много разъ колебался я туда и сюда и наконецъ умирилъ свои желанія, остановившись на срединѣ. Я вступилъ на какой-то средній путь между отшельниками и подвижниками, живущими въ обществѣ, занялъ у однихъ собранность ума, а у другихъ стараніе быть полезнымъ для общества». Подъ этими другими Григорій разумѣетъ подвижниковъ, которые проводили жизнь безбрачную, не уединяясь въ пустыню и занимаясь дѣлами общественными. «Предпочестъ этотъ послѣдній родъ жизни понуждама меня, говоритъ самъ о себѣ Григорій, и признательность къ родившимъ меня, у которыхъ я былъ въ долгу; я хотѣлъ дѣлать ихъ старость, водить ихъ за руку, чтобы самому имѣть счастливую старость, угождая ихъ старости.» Такой выборъ сдѣланъ былъ и потому еще, что Григорій правиломъ любомудрія поставлялъ не показывать и виду, что онъ трудится для жизни превосходнѣйшей. Заботы о родителяхъ, тѣмъ болѣе необходимыя,

что братъ Кесарій вскорѣ отправился на службу къ императорскому двору, могли достаточно прикрывать его ревность объ угожденіи Богу.

Утвердившись въ такомъ образѣ мыслей, Григорій вопреки обѣщанію, какое далъ Василию въ Лоидахъ, и несмотря на неоднократныя приглашенія его, долго не находилъ возможности отправиться къ нему въ повоустрояемый монастырь. Послѣ же того, какъ провелъ съ нимъ въ Понтійской пустынѣ нѣсколько времени, и по возвращеніи въ свой Арианъ, часто съ великимъ удовольствіемъ вспоминалъ о занятіяхъ, какія дѣлалъ здѣсь съ своимъ другомъ. Это тѣмъ удивительнѣе, что и жизнь въ дому родительскомъ очень мало отличалась по своей строгости отъ жизни иноковъ Василіевыхъ. И дома Григорій такъ же занимался богомысліемъ и молитвою, питался самою умѣренною и простою пищею, упражнялся въ словѣ Божіемъ: но его много возмущало поведеніе служителей, за которыми присмотръ былъ порученъ ему, и которыхъ въ помѣстьѣ отцовомъ, какъ видно, было не мало. «Управлять служителями, жалуется Григорій въ одномъ стихотвореніи, подлинная сѣть пагубы. Жестокихъ владыкъ они всегда ненавидятъ, а богобоязненныхъ безстыдно презираютъ, къ злымъ не снисходительны, добрымъ не благопокорны, но на тѣхъ и другихъ дышать неразумнымъ гнѣвомъ» (4, 285).

Гораздо большую скорбь Григорію причинило

посвященіе его во пресвитера, совершенное отцемъ его въ праздникъ Р. Христова (вѣроятно 361 г.). И послѣ обширнаго образованія, какое получилъ въ различныхъ школахъ, высокое и досточестное званіе служителя алтаря казалось для Григорія тѣмъже, чѣмъ бываетъ солнечный свѣтъ для слабыхъ глазъ (6, 15). Отецъ Григорія зналъ взглядъ своего сына на священство, но побуждаемый отеческою любовію, совершенно противъ воли, рукоположилъ его въ пресвитера. Григоріи хотя и покорился волѣ родителя, принялъ отъ него посвященіе, но такъ сильно огорчился, что забылъ все—друзей, родителей, отечество, родъ, и, по собственному его сравненію, какъ волъ уязвленный слѣпнемъ, ушелъ въ Понтъ, надѣясь тамъ въ божественномъ другѣ найти врачевство отъ горести (6. 16). Этимъ удаленіемъ онъ между прочимъ хотѣлъ вразумить тѣхъ, которые, по его выраженію, съ неумытыми руками и печными душами берутся за святѣйшее дѣло, тѣснятся и толкаются вокругъ святой трапезы, какъ бы почитая священный санъ не образцемъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію и начальствомъ не дающимъ отчета (1, 21) в).

в) Такихъ смѣльчаковъ въ то время было очень много. Большая часть изъ насъ, говоритъ Григорій, чтобы не сказать всѣхъ, прежде нежели узнаемъ наименованіе св. книгъ, научимся распознавать писмена и писателей Вѣтхаго и Новаго Завета,

Другими же болѣе важными причинами къ этому удаленію была неожиданность рукоположенія и любовь къ безмолвію и созерцательной жизни. Вотъ собственныя слова Григорія объ этомъ: «особенно пораженъ я былъ неожиданностью; подобно человѣку, поражаемому внезапнымъ громомъ, не собравъ съ мыслями и потому преступилъ скромность, къ которой приучалъ себя всю жизнь. Потомъ овладѣла мною какая-то привязанность къ благу безмолвія и уединенія. Любя его съ самаго начала, сколько едва ли любилъ кто нибудь изъ занимающихся науками, въ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ для меня обстоятельствахъ давъ Богу обѣтъ безмолвной жизни, я не вынесъ принужденія. Мнѣ казалось, что всего лучше, замкнувъ какъ бы чувства, собравшись въ самомъ себѣ, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, носить въ себѣ божественныя образы всегда чистые и не смѣшанные съ земными и обманчивыми впечат-

если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книгъ, если хотя мало ознакомимся съ Давидомъ, если умѣемъ ловко надѣть плащъ или до пояса походить на философа, мы уже и мудры и высоки, сами себя посвящаемъ въ небесныя и желаемъ званія учителя (1, 46). Посему для людей съ поверхностнымъ взглядомъ на пастырское служеніе, удаленіе Григорія, столь знакомаго съ науками, конечно могло быть очень поучительнымъ и даже обличительнымъ.

лѣніями, постигать блага будущаго вѣка, находясь еще на землѣ, оставлять землю и быть возносиму Духомъ горѣ» (6, 20). Кроме сего Григорій живо представлялъ себѣ ту тягостную борьбу, какую долженъ вести пастырь съ дерзостію еретиковъ, съ пороками слабыхъ христіанъ, равно и угрозы недостойнымъ служителямъ алтаря, изреченныя въ писаніи. Памятованіе обо всемъ этомъ, говоритъ онъ, не оставляло меня день и ночь, сунило во мнѣ мозгъ, истощало плоть, лишило бодрости и не позволяло ходить съ подъятыми высоко взорами (1, 61). «Признаюсь, я немощень для такой брани...; пока не очищенъ умъ, пока далеко не превосхожу другихъ близостію къ Богу, не безопаснымъ признаю принять на себя попеченіе о душахъ и посредничество между Богомъ и человѣками, что составляетъ также долгъ іерея. Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры, а напротивъ похвалите мою предусмотрительность... (1,69.70). Разсматривая самыхъ благоискусныхъ мужей древности, нахожу, что изъ тѣхъ, кого благодать предъизбрала въ званіе начальника или пророка, одни съ готовностію слѣдовали избранію, а другіе медлили принимать дары; Моисей прекословилъ Богу, а Іеремія страшился юности и Иона бѣжалъ отъ лица Божія, но и сіи, отрекавшіеся за боязнь, не подверглись осужденію.»

Вотъ побужденія, по которымъ Григорій немедленно по рукоположеніи удалился въ Понтъ.

Видно, что и Василий Великій не осуждалъ своего друга за такой образъ дѣйствій, иначе онъ не позволилъ бы ему оставаться въ своей пустынѣ отъ праздника Рождества Христова до самой Пасхи. По всему видно, что Григорію очень пріятно было жить вмѣстѣ съ своимъ другомъ, но отецъ многократно и даже съ угрозами убѣждалъ его возвратиться въ Назіанзъ. Можно было опасаться, чтобы пѣжлость не обратилась въ клятву, по обыкновенному свойству прогнѣваннаго простодунія (6, 16); и Назіанзяне сильно желали возвращенія своего священника. Григорій долго боролся съ мыслями, какъ поступить, находясь между двумя страхами; наконецъ его побѣдилъ страхъ оказаться непокорнымъ отцу. Я стою въ срединѣ, говоритъ онъ въ объясненіе своихъ дѣйствій, въ срединѣ между слишкомъ дерзновенными и слишкомъ боязливыми. Я боязливѣе тѣхъ, которые хватаются за всякое начальство, и дерзновеннѣе тѣхъ, которые всего убѣгають. Во мнѣ самое время ослабло чувство бѣдствія (6, 16). Я сказалъ себѣ: противъ страха быть начальникомъ подастъ, можетъ быть, помощъ законъ благопокорности, потому что Богъ вознаграждаетъ вѣру и дѣлаетъ совершеннымъ начальникомъ того, кто возлагаетъ на Него вѣрныя надежды (1, 80. 81). Самое же сильное побужденіе къ возвращенію состояло въ томъ, что я вспомнилъ о временахъ давнихъ и встрѣтивъ одно давнее сказаніе, из-

влекъ изъ него для себя наставленіе въ настоящемъ обстоятельствѣ. Это сказаніе о бѣгствѣ пророка Іоны. Для Іоны, послѣку онъ предвидѣлъ паденіе Израиля и предчувствовалъ, что пророчесвенная благодать переходитъ къ язычникамъ, для Іоны по этой причинѣ можетъ быть извинительно было отречься отъ пророческаго служенія; но осталось ли бы какое извиненіе и мѣсто къ оправданію для меня, если бы я сталъ долѣе упорствовать и отрицаться отъ возлагаемаго на меня ига служенія (1, 79).

Итакъ Григорій разсудилъ къ Пасхѣ возвратиться въ домъ родительскій и примириться съ оскорбленнымъ отцемъ и гражданами Назіанза; изъ нихъ многимъ казалось, что Григорій былъ самъ не въ себѣ, содѣлался инымъ человѣкомъ, противился и упорствовалъ больше, нежели сколько дозвоительно. Родители съ радостію и съ любовію приняли Григорія, хотя онъ и огорчилъ ихъ своимъ неожиданнымъ удаленіемъ въ Понтъ; но не видно было этого со стороны гражданъ Назіанзскихъ. Въ самый первый день Пасхи, въ первомъ словѣ къ своей паствѣ, прежде всего Григорій испрашивалъ себѣ прощенія и кротко объяснилъ причины своего замедленія, но въ этотъ день многіе изъ гражданъ не пришли въ церковь и не показали ему той внимательности, которая могла бы быть порукою за будущее. Это вновь и весьма опечалило Григорія, тѣмъ болѣе, что они сами вызывали

его изъ Понта; свѣтлый праздникъ для Григорія превратился не въ праздникъ (1, 11.). Вскорѣ онъ произнесъ другія два слова; въ одномъ изъ нихъ онъ высказалъ нѣсколько кроткихъ обличеній жителямъ Назіанза, за непонятную и горестную для него измѣнчивость ихъ чувствъ или превратность въ расположеніи; а въ другомъ подробно объяснилъ всѣ причины и побужденія своего удаленія въ Понтъ (отсюда-то и занято было все, что прежде говорилось объ этомъ). Черезъ эти два слова Григорій возвратилъ къ себѣ любовь и расположеніе гражданъ.

II въ смутныя времена царствованія Констанція отличительнымъ свойствомъ паствы Назіанской была непоколебимость и безмятежіе, такъ что часто называли ее ковчегомъ Поевымъ за то, что одна спаслась отъ всемірнаго потопленія и хранила въ себѣ сѣмена благочестія (1. 227; 2. 166). Конечно это было въ соотвѣтствіе заботамъ епископа и его сына пресвитера, но со вступленіемъ на престолъ Юліана и въ Назіанской епархіи открылись раздѣленія по тому случаю, что отецъ Григорія, по простотѣ, подписался къ символу вѣры, составленному полуаріанами (въ которомъ слово *омовбιος*-единосущный замѣнено было *омовбιος*-подобосущный). Хотя отецъ Григорія, по выраженію сына, въ этомъ случаѣ не погрѣшилъ мыслию и черпало не очернило души его (2, 117), но христіане Назіанзскіе отдѣлились отъ своего па-

стыря; даже самые иноки, строгіе по жизни и отличавшіеся особою преданностію къ своему епископу, хотя позднѣе другихъ, оставили его и просили сосѣднихъ епископовъ кого либо изъ избранныхъ старцевъ посвятить во пресвитеры (1, 227). Поводъ къ неблагопріятнымъ толкамъ объ отцѣ Григоріевомъ подавалъ еще братъ Григорія Кесарій, оставившійся на службѣ при дворѣ императорскомъ и въ царствованіе Юліана. «И у своихъ и у постороннихъ, сколько ни есть намъ знакомыхъ, по словамъ Григорія, обратилось въ постоянное занятіе говорить слѣдующее: «епископскій сынъ нынѣ уже въ службѣ, домогается мірскихъ чиновъ и славы, и побѣждается корыстолюбіемъ; и такъ нынѣ все воспламенено страстію къ деньгамъ и для нихъ нещадятъ люди души своей. Какъ теперь епископы уговорятъ другаго не оскверняются общеніемъ съ идолами, какъ теперь наказывать проступившихъ въ чемъ иномъ, когда самъ епископъ не смѣетъ сказать слова, по причинѣ случившагося у него въ домѣ.» Вотъ что, или еще и гораздо сего худшее слышали мы каждый день и отъ тѣхъ, которые говорятъ это можетъ быть по дружбѣ, и отъ тѣхъ, которые нападаютъ изъ неприязни.» Въ такихъ обстоятельствахъ, Григорій какъ преданный сынъ, былъ нетленнымъ утѣшителемъ для своихъ родителей. Отецъ его такъ былъ огорченъ такими слухами о Кесаріи, что самая жизнь была ему въ тягость. Посему

для успокоенія его, Григорій увѣрялъ, что Кесарій скоро откажется отъ мѣста и не будетъ больше причинять печали своему отцу. Отъ матери же Григорій разными выдумками скрывалъ извѣстіе о братѣ Кесаріи и толки изъ-за этого, по тому опасенію, какъ самъ говоритъ въ одномъ письмѣ, «что государыня мать, если услышитъ о Кесаріи что нибудь непріятное, упадетъ въ скорбь, совершенно безутѣшную, и что она какъ женщина, по крайнему благоговѣнію, не способна соблести мѣру въ подобныхъ случаяхъ.» Между тѣмъ самому брату Кесарію Григорій написалъ убѣдительное письмо объ оставленіи службы при дворѣ и здѣсь раскрылъ все неблагопріятныя слѣдствія, какихъ можно ожидать отъ этой службы. Изъ письма видно, что Григорію не нравилась придворная служба Кесарія не только при Юліанѣ, но и при его предшественникѣ (1. 250). Не долго молчалъ Григорій и по случаю отдѣленія паствы отъ его отца. Самое молчаніе имѣло цѣлю привлечь Духъ и оторгнуть слово благо (1, 218). Прекращеніе смятенія, впоследствии, Григорій приписывалъ молитвамъ и увѣщаніямъ отца, но однакоже позволялъ себѣ и такія слова: «и я участвовалъ въ его благочестіи и дѣятельности, ибо помогалъ ему во всякомъ добромъ дѣлѣ, и какъ бы сопутствовалъ и слѣдилъ за нимъ, почему и удостоился совершить большую часть дѣла» (2, 117). По какихъ трудовъ стоило ему это примиреніе, не-

извѣстно. До насъ дошло только одно слово его, которое говорено уже по воссоединеніи монастырюющихъ. Здѣсь высказывалось уже благодареніе Господу за умирненіе раздѣленныхъ, и увѣщаніе направлено только къ подкрѣпленію и утѣшенію тѣхъ, которые присоединились къ церкви.

Конечно важное вліяніе на паству назіанзскую имѣли еще и тѣ два обличительныя слова противъ Юліана, которыя произнесены Григоріемъ вскорѣ по смерти этого отступника. Это было лучшее противодѣйствіе похвальнымъ рѣчамъ, въ которыхъ превозносили умернаго ученье язычники, и въ числѣ ихъ особенно Ливаній. Слова Григоріевы написаны, кажется, по совѣту или даже при помощи Василія, потому что въ концѣ послѣдняго слова встрѣчаются такія выраженія, обращенныя къ лицу Юліана: «Сіе приносятъ тебѣ Василій и Григорій, противники и противоборники твои, какъ самъ ты думалъ и другихъ увѣрять, своими угрозами поощряя насъ къ вѣщшему благочестію.» Изъ этихъ же обличительныхъ словъ Григорія видно, что Юліанъ усиленно убѣждалъ его брата Кесарія принять сторону язычнковъ, и когда увѣрился въ безуспѣшности убѣжденія, съ огорченіемъ сказалъ: «благополучный отецъ, злополучныя дѣти;» послѣднимъ выраженіемъ явно намекалъ онъ и на Григорія.

Спустя годъ послѣ сего Григорій принялъ живое участіе въ примиреніи Евсевія епископа ке-

сарійскаго съ другомъ своимъ пресвитеромъ Василіемъ. Епископъ Евсевій произвелъ важнѣйшія смятенія въ Кесаріи, единственно своею завистію къ другу Григоріеву. Притѣсненія Василію были такъ явны, что почитатели его монахи и другіе христіане кесарійскіе хотѣли отдѣлиться отъ епископа. Это отдѣленіе могло быть еще болѣе опасно по своимъ послѣдствіямъ, потому что императоръ Валентъ, покровитель аріанъ, уже поставившій во многихъ православныхъ церквахъ епископами аріанъ, начиналъ тѣмъже угрожать и Кесаріи. И дружба ^{г)} и ревность о благѣ православныхъ побуждали принять возможные мѣры къ предотвращенію зла. Посему какъ скоро распространились слухи, что монахи кесарійскіе изъ-за Василія отдѣляются отъ своего епископа, Григорій самъ пришелъ въ Кесарію, совѣтовалъ Василію оставить на время служеніе въ Кесаріи и удалиться въ свой монастырь; а по возвращеніи въ Назіанзъ, написалъ и ходатайственное письмо за Василія къ епископу Евсевію. Письмо это ясно свидѣтельствуетъ о сильной любви Гри-

г) Хотя Григорій твердо былъ убѣжденъ, что Василій жизни, словомъ и правилами превосходить всѣхъ извѣстныхъ ему, однако не считалъ излишнимъ дать ему свои совѣты и какъ бы поощрять къ добродѣтелямъ. Такъ вскорѣ послѣ рукоположенія его въ пресвитера, тоже противъ воли, онъ писалъ ему о необходимости терпѣнія и ревности къ исполненію обязанностей новаго сана.

горія къ Василю и къ справедливости;—а кромѣ сего замѣчательно по смѣлости, съ какою пишеть одушевленный чувствомъ правоты священникъ къ своему митрополиту. Вотъ извлеченіе изъ сего письма: «какъ радуюсь, что дѣлаешь мнѣ честь и приглашаешь меня на духовное собраніе и совѣщаніе, такъ тяжело для меня оскорбленіе, какое терпѣль и доселѣ терпить отъ твоего благоговѣнія досточестнѣйшій братъ Василій, съ самаго начала мною избранный и донинѣ остающійся для меня товарищемъ жизни, ученія и самаго высокаго любомудрія. Ты, унижая его и оказывая честь мнѣ, по моему мнѣнію, поступаешь почти также, какъ если бы кто одного и тогоже человѣка сталъ одною рукою гладить по головѣ, а другою бить по щекѣ, или подломавъ основаніе дома, началъ расписывать его стѣны и украшать наружность. Если убѣдишься сколько нибудь моимъ словомъ, то сдѣлаешь по моему, а я прошу убѣдиться, потому что это и справедливо. Если обойдешься съ Василіемъ какъ должно, и онъ будетъ служить тебѣ. А мое дѣло слѣдовать за нимъ какъ тѣни за тѣломъ.» Евсевій оскорбился такимъ письмомъ, но Григорій не считалъ нужнымъ просить извиненія и въ слѣдующемъ письмѣ говорилъ не менѣе смѣло: «Хотя ты и выше по степени, однако же дай мнѣ нѣсколько свободы и справедливаго дерзновенія, а потому будь къ намъ благосклоннѣе. Если же судишь о моемъ письмѣ,

какъ о письмѣ служителя, обязаннаго смотрѣть тебѣ въ глаза; то въ этомъ случаѣ и удары пріиму и плакать не буду» (13 пис.). Хотя и послѣ этого письма Евсевій обвинялъ Григорія въ низости (п. 14), но когда Григорій по новому приглашенію явился въ Кесарію, Евсевій уже охотно обѣщался въ знакъ примиренія писать самому Василию просительное и приглашительное письмо (п. 15). Узнавъ объ этомъ, Григорій съ своей стороны немедленно извѣстилъ объ этомъ Василія, убѣждая его не доводить своего епископа до такого уничтоженія, но предупредить его или своимъ письмомъ, или немедленнымъ возвращеніемъ. Этотъ высокій подвигъ любви былъ совершенно по дугѣ Василию,—онъ немедленно явился въ Кесарію и успѣшно разрушилъ всѣ замыслы собравшихся сюда аріанъ.

Въ этомъ дѣлѣ борьбы съ аріанами помогали Василию и Григорію, явившіяся сюда по его вызову, но въ чемъ состояла его помощь, неизвѣстно; на это важное содѣйствіе указываютъ только слѣдующія прикровенныя выраженія Григорія въ похвальномъ словѣ Василию: «если съ Павломъ подвизался и Варнава, который о семъ говоритъ и пишетъ, то и за сіе благодареніе Павлу, который его избралъ и содѣлалъ сотрудникомъ въ подвигъ». Ходъ рѣчи ясно показываетъ, что подъ Павломъ разумѣется Василій, а подъ Варнавою авторъ слова.

Изъ дѣятельности Григорія въ слѣдующія

шесть лѣтъ его жизни до возведенія Василія на архіепископскій престолъ извѣстны только его домашнія заботы и безпокойства. Братъ Григорія Кесарій хотя оставилъ службу при дворѣ въ царствованіе Юліана, но при его преемникахъ опять былъ вызванъ туда. Государи даже препирались между собою въ томъ, кто изъ нихъ болѣе ласкалъ Кесарія и кто имѣлъ болѣе права назвать его искреннѣйшимъ другомъ и приближеннымъ (1, 255.). По должности хранителя царской казны, которая дана была ему сверхъ должности перваго врача, онъ долженъ былъ прожить нѣсколько времени въ Инкѣ Виоинской. Но здѣсь въ 368 году случилось странное землетрясеніе, отъ котораго изъ знатныхъ жителей спасся почти одинъ Кесарій. Это избавленіе отъ внезапной смерти было тѣмъ отраднѣе, что Кесарій доселѣ былъ только въ числѣ оглашенныхъ, еще не былъ крещенъ. Григорій и прежде много разъ въ своихъ письмахъ убѣждалъ брата оставить мірскую жизнь, а теперь самымъ чувствомъ живою благодарности за чудесное избавленіе склонялъ его принять крещеніе, а вмѣстѣ съ симъ просилъ его возвратиться въ домъ (п. 22.). О томъ же убѣждалъ писать къ Кесарію и Василія Великаго. Кесарій послушался, но вскорѣ послѣ крещенія умеръ. Григорій сильно пораженъ былъ его смертію (1, 264.). Въ чувствѣ глубокой скорби Григорій обнималъ и лобызалъ все напоминавшее о

Кесаріѣ (п. 23.), но его смерть, плачевная для истинно братской любви, принесла Григорію еще много другихъ огорченій. Къ отцу Кесарія во множествѣ стали являться мнимые заимодавцы сына; имущество Кесарія при жизни его было въ рукахъ у служителей и такихъ людей, которые соблюли чрезмѣрную малость, и это не многое по желанію умершаго роздано было нищимъ. Пока было можно, родители Кесарія разплачивались съ мнимыми заимодавцами, такъ что многіе жалѣли даже о томъ, что они не просили большаго. Но смотря на примѣръ предъупредившихъ, и прочіе стали объявлять ложные иски (п. 13. 32.). Разыскивать справедливость этихъ исковъ отецъ поручилъ жившему у него сыну. Григорію надобно было проводить время среди волненій многолюдныхъ собраній, надобно было выслушивать возраженія противниковъ. Блюстители законовъ были подкуплены искателями чужаго имущества. Изъ родныхъ же никто не помогаль Григорію. Всѣ эти безпокойства тѣмъ болѣе тяготили и мучили Григорія, что и на будущее время никто не могъ освободить его отъ попеченія о домѣ родительскомъ и отъ несноснаго подзора за служителями. Прежде Григоріи твердо надѣялся въ этомъ на Кесарія, который дѣйствительно отклоняль отъ него всѣ безпокойства и почиталь его, какъ не почиталь никто другой, и уважалъ, какъ иной уважалъ только любимаго отца (4, 286.). При этомъ

Григорій часто уносился мыслями къ воспоминанію о мирной жизни въ пустынѣ Василювой, и въ немъ раждалось глубокое раскаяніе о томъ, что прежде у него недостало твердости духа навсегда избрать для себя пустынную жизнь; «тамъ (въ этой пустынѣ) живя одинъ вдали отъ людей, носилъ бы я въ сердцѣ всецѣлаго Христа, къ единому Богу вознося чистый умъ. Доселѣ не испытывалъ я столь сильныхъ и многочисленныхъ горестей, не страдалъ я столько и тогда, какъ двадцать дней и ночей лежалъ на кормѣ корабельной, въ ожиданіи ужасовъ кораблекрушенія, не скорбѣлъ столько и во время землетрясенія въ Лоннахъ и тогда, какъ вертя прутъ поранилъ себѣ изогнутый уголъ ресницы. Много потерпѣлъ я бѣдствій, но доселѣ не встрѣчались такія несчастія, какія напоследокъ приразились мнѣ. Я новый Іовъ, недостасть только подобной причины моихъ страданій. Я одинъ извѣстенъ всякому не тѣмъ, что имѣю предъ другими преимущество въ словѣ или въ силѣ руки, но своими скорбями и сѣтованіями. Моя слава въ скорбяхъ: на меня изъ сладостной руки твоей, Царь мой Христось, Ты истоцилъ всѣ горькія стрѣлы» (4, 316. 317.).

Впрочемъ при всей этой сильной скорби, у Григорія доставало мужества, чтобы пролить въ душу скорбящаго родителя лучшія христіанскія утѣшенія и почтить своего брата похвальнымъ словомъ. Такое слово было необходимо

и потому, что нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Кесарія требовали объясненія. Такъ на-примѣръ Кесарій долго не принималъ крещенія и довольно долго не оставлялъ придворной жизни даже и тогда, когда былъ императоромъ Юліанъ богоотступникъ.

Около этого времени скончалась и сестра Григорія, бывшая въ замужествѣ за язычникомъ,— предъ смертію своею она впрочемъ обратила его въ христіанство (286.). Ея строгая и благочестивая жизнь была очень извѣстна Цазіанзской паствѣ; къ ея совѣтамъ прибѣгали не только родственники, единоземцы и сосѣди, но и всѣ знавшіе ее въ окрестности, и ея увѣщанія и наставленія почитали для себя ненарушимыми законами (1, 276.). А потому и ея память Григорій почтилъ похвальнымъ словомъ, сколько для утѣшенія скорбящихъ, столько и для назиданія другихъ примѣромъ ея жизни, и для сохраненія ея памяти въ потомствѣ. «Должно обращать бѣльшее вниманіе, говорить Григорій, не на мнѣніе людей злонамѣренныхъ, которые могутъ обвинить въ пристрастіи, а на мнѣніе благонамѣренныхъ, которые требуютъ должнаго. Всего несообразнѣе думать, что поступимъ справедливо, кого либо изъ своихъ лишивъ слова, чрезъ которое особенно обязаны мы служить людямъ добрымъ, и умершимъ можемъ доставить безсмертную память» (1, 369.)^{а)}.

а) Замѣчательно, что, упомянувъ въ этомъ словѣ о Соломо-

Въ 370 году сдѣлались нездоровы и его другъ, и его отецъ, а вскорѣ и его мать. Тяжкая болѣзнь постигла Василія не задолго до избранія его въ епископа; когда же епископы стали собираться въ Кесарію, по смерти Евсевія, для избранія ему преемника, Василій уже довольно поправился въ своемъ здоровьѣ, хотя и приглашалъ къ себѣ Григорія ссылаясь на болѣзнь. Есть причины думать, что Василій призывалъ своего друга для того, чтобы отклонить отъ себя кафедру епископскую и въ присутствіи Григорія указать на него, какъ на одного изъ лучшихъ кандидатовъ для занятія кесарійскаго престола. Къ этой мысли приводятъ слѣдующія выраженія Григорія изъ письма его къ св. Василію: «вызывалъ ты меня въ митрополию, когда нужно было совѣщаться объ избраніи епископа. И какой благовидный и убѣдительный предлогъ! Притворялся, что боленъ и находишься при послѣднемъ издыханіи, желаешь меня видѣть и передать мнѣ послѣднюю свою волю. Удивляюсь,

новомъ изображеніи доброй жены, Григорій прибавляетъ, „если бы я сталъ хвалить за такія качества сестру, то сіе значило бы хвалить статую по тѣни, или льва по когтямъ, оставивъ безъ вниманія важнѣйшее и совершенное.“ Отсюда очевидно, что Соломоново изображеніе женщины, по мнѣнію Григорія, не заключаетъ въ себѣ многихъ совершенствъ, которыми должны украшаться жены христіанъ, а потому недостаточнымъ казалось и для ознакомленія со всеми добрыми качествами Горгонии.

какъ ты думаешь, что не одно и тоже прилично и тебѣ и мнѣ, которыхъ въ началѣ такъ сдружилъ Богъ, что и жизнь и ученіе и все у насъ общее, и какъ подумалъ, что тутъ будутъ выставять на видъ людей благоговѣйныхъ, а не сильныхъ въ городѣ и любимыхъ народомъ». Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ извѣстіе о болѣзни Василія сильно огорчило Григорія, онъ проливалъ источники слезъ и отправился было въ путь, но узнавъ, что въ городѣ собираются епископы, поѣхалъ назадъ, а Василю вмѣсто себя отправилъ письмо съ такими заключительными словами: «твое благоговѣніе увижу тогда, когда устроятся дѣла и позволятъ мнѣ время, увижу—и тогда побраню побольше и посильнѣе» (39 п.).

Черезъ нѣсколько времени самъ отецъ Григорія рѣшился отправиться въ Кесарію, для присутствованія на соборѣ по дѣлу объ избраніи епископа въ Кесарію. Но и больному отцу не хотѣлъ сопутствовать Григорій; даже и послѣ того, какъ Василій уже посвященъ былъ во епископа, Григорій медлилъ являться съ поздравленіемъ къ своему другу, несмотря на новыя приглашенія. Поступалъ онъ такъ по заботливости о славѣ своего друга и объ отвращеніи повода къ суетнымъ толкамъ завистливыхъ людей. Вотъ его слова: «когда всѣ другіе думали, что я поспѣшу къ новому епископу, или лучше, раздѣлю съ нимъ начальство, и когда обо всемъ этомъ

заклучали по нашему дружеству, тогда, избѣгая высокомерія и повода къ зависти, остался я дома, съ насиліемъ обуздавъ желаніе видѣться съ тобой. Да и теперь не спѣшу къ тебѣ и ты самъ этого не требуи, во первыхъ чтобы сберечь мнѣ честь твою, и чтобы не подумали, что собираемъ приверженцевъ, по незнанію приличій и по горячности, какъ могутъ сказать завистники, а во вторыхъ чтобы мнѣ самому пріобрѣсти постоянство и неукоризненность» (п. 38.). Василию это казалось охлажденіемъ въ дружбѣ, и онъ упрекалъ Григорія въ пренебреженіи къ себѣ, какъ къ покинутой ягодѣ на виноградной лозѣ. На это Григорій отвѣчалъ изумленіемъ: «будто бы что нибудь твое для меня тоже, что изсохшая ягода на виноградной лозѣ! Какъ вырвалось у тебя такое слово изъ ограда твоихъ зубовъ, о божественная глава! Какъ отважился ты вымолвить это! Какъ подвиглась мысль, написало чернило, приняла бумага! Меня ли ты не знаешь, или самага себя? Какъ можетъ быть маловажнымъ для Григорія что нибудь твое,—око вселенной, труба и палата учености! Чему же иному станеть кто дивиться на землѣ, если Григорій не дивится тебѣ? Одна весна въ году, одно солнце между звѣздами, одно небо объемлетъ тобою все, одинъ голосъ выше всѣхъ, и это твой голосъ» (п. 3.).

Около этого же времени подверглась какой-то болѣзни и мать Григорія; это еще замедлило на

нѣсколько времени свиданіе съ Василиемъ, и онъ писалъ ему: «отъ твоего преподобія зависитъ привести въ порядокъ мои дѣла, ибо безотлучно сижу при одрѣ государыни матери, которая, много уже тому времени, страждетъ недугомъ. И если можно будетъ оставить ее внѣ опасности, будь увѣренъ, не лишь себя твоего лицезрѣнія. Помогай только своими молитвами ей выздороветь, а мнѣ совершить путь» (п. 40.). Въ непродолжительномъ времени, Ноина получила облегченіе отъ своей болѣзни и этимъ считала себя обязаною сыну. Однажды, когда Григорій взшелъ къ ней рано утромъ и сталъ по обыкновенію спрашивать: какъ провела ночь и что ей нужно,—она нисколько не медля и рѣчиисто сказала: самъ ты, любезный, напиталъ меня, и потомъ спрашиваешь о здоровьи. Этимъ намекала она на сновидѣніе, въ которомъ ей представлялось, что сынъ ея Григорій явился къ ней ночью съ корзинами самыхъ большихъ хлѣбовъ, потомъ произнесъ надъ ними молитву и запечатлѣвъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, подалъ ей вкусить и тѣмъ возстановилъ ея силы; и послѣ этого сна она дѣйствительно стала примѣтно поправляться (4, 139.).

По выздоровленіи матери Григорій посѣтилъ своего друга; впрочемъ пробылъ у него очень краткое время, недождавшись даже кесарійскаго праздника въ честь мученика Евпенхія. Василии предлагалъ Григорію и санъ епископа, или мѣсто

перваго при себѣ пресвитера; но онъ не принялъ ни того ни другаго, также избѣгая зависти и заботясь о предотвращеніи толковъ неблагопріятныхъ и для Василія (4, 96.). По возвращеніи изъ Кесаріи Григорію открылся случай защищать своего митрополита на какомъ-то пиру. Вотъ какъ пересказываетъ это самъ Григорій, въ письмѣ къ Василію: «былъ пиръ, и на пиру было немало людей знатныхъ, а въ числѣ ихъ находился иѣкто изъ носящихъ имя и образъ благочестія. Пированье еще не начиналось; слово зашло о насъ, которыхъ, какъ это обыкновенно случается на пирахъ, выводятъ на среду вмѣсто всякаго другаго между-дѣйствія. Всѣ дивятся твоимъ совершенствамъ, присовокупляютъ къ тебѣ и меня, говорятъ о нашей дружбѣ, объ Лоинахъ, о нашемъ единодушіи и единомысліи во всемъ; бывший тутъ монахъ громогласно изъяснилъ свое неудовольствіе и сказалъ: «что это, государи мои, такъ вы много лжете и зачѣмъ допускаете такую лесть? Пусть похвалены Василій и Григорій будутъ за другое, если угодно, въ томъ неспору, но за православіе напрасно хвалятъ Василія, напрасно и Григорія; одинъ измѣняетъ вѣрѣ тѣмъ, что говоритъ, а другой тѣмъ, что терпитъ это». Я съ своей стороны, продолжаетъ Григорій, спросилъ этого новаго Давана и Авирона по високоумію: «откуда это, пустой человѣкъ, пришелъ ты съ такимъ правомъ учительства? И какъ смѣешь самъ себя

дѣлать судьбою въ такихъ предметахъ»? Я теперь, говорилъ онъ, съ Собора, который былъ у мученика Евтихія, и онъ свидѣтель, что это дѣйствительно такъ. Тамъ слышалъ я, какъ великій Василій богословствовалъ объ Отцѣ и Сынѣ превосходно, весьма совершенно, и какъ не легко было бы сказать всякому другому, а въ ученіи о Духѣ уклонился отъ прямого пути, неясно высказалъ мысль, какъ бы набрасывалъ тѣнь на ученіе, не осмѣливался выговорить истину, накидывая намъ въ уши выраженія приличныя болѣе человѣку изворотливому, нежели благочестивому и прикрывая двоедушіе силою слова. «Это потому, говорилъ я, что около Василія жестокая битва, еретики стараются ловить каждое реченіе изъ его устъ, чтобы послѣ того какъ все у насъ захвачено, и этотъ мужъ, единственно почти оставшаяся у насъ искра истины и жизненная сила, и этотъ мужъ могъ быть изгнанъ изъ Церкви, а въ слѣдъ за симъ и изъ этой Церкви, какъ бы изъ какой засады, зло ереси аріанской разливалось по всей вселенной. Поэтому намъ лучше быть бережливými на истину, уступивъ нѣсколько времени, которое омрачило насъ подобно облаку, нежели ясною проповѣдію привести истину въ упадокъ. Истина заключается не столько въ словѣ, сколько въ мысли. Но Церкви великій уронъ, если съ однимъ человѣкомъ изгнана будетъ истина». Такой осторожности не одобрили присутствовавшіе,

называя ее неблаговременною и даже насмѣшкою надъ нами, порицали насъ за то, что ограждаемъ болѣе робость свою, нежели ученіе Церкви». Много и другаго слышалъ Григорій по этому поводу и самъ говорилъ еще, и даже сверхъ мѣры и обыкновенія изъясняли свое негодованіе противорѣчившимъ; но для лучшаго поправленія дѣла, письменно просилъ наставленія у Василія, до чего должно простираться въ богословіи о Духѣ, и какія употреблять реченія, чтобы можно было вразумить противниковъ. Василій сверхъ ожиданія оскорбился извѣстіемъ объ этомъ, и звалъ къ себѣ самага Григорія только для отраженія нападеній императора Валента. Валентъ спѣшилъ въ Кесарію съ тою цѣлію, чтобы поставить здѣсь аріанскаго епископа.

Валентъ прежде Кесаріи направилъ путь свой въ Назіанзь и привелъ съ собою нѣсколько аріанъ, въ надеждѣ поработить себѣ и назіанзскую епархію. Но противодѣйствіе двухъ Григоріевъ было такъ сильно, что онъ нисколько не успѣлъ въ своихъ замыслахъ. Это видно изъ словъ Григорія Богослова объ отцѣ: «и здѣсь отецъ мой оказалъ намъ немалую помощь, какъ самъ, такъ и чрезъ меня, котораго онъ какъ молодаго пса пехудой породы для упражненія въ благочестіи выводилъ противъ сихъ лютыхъ звѣрей». Къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ другихъ сказаній, что именно сдѣлалъ въ это время этотъ, по смиренному выраженію о себѣ Григорія, молодой песъ.... (2, 140.).

Прогнавъ свирѣпыхъ волковъ отъ своего стада, Григорій поспѣшилъ на помощь и къ своему другу въ Кесарію, которому предстояла странная борьба и съ префектомъ Модестомъ и самимъ императоромъ. Григорій, какъ знаемъ, былъ свидѣтелемъ бесѣды Василія съ царемъ о Назіанзѣ, но какія онъ оказалъ при этомъ услуги Василію и Церкви, тоже неизвѣстно. Только одно письмо Василія показываетъ, что святитель Кесарійскій многого ожидалъ отъ его присутствія въ это бурное время; вотъ слова Василія: «склонись на мою просьбу, раздѣли мой трудъ въ подлежащемъ подвигѣ, и выступи со мною противъ ополчившагося на меня. Ибо если только явишься, остановимъ все стремленіе, разсыплемъ собравшихся, и заградимъ всякія неправедныя уста дерзкихъ еретиковъ».

ГЛАВА III.

Скорбь Григорія послѣ посвященія во епископа сасимскаго. — Слово при посвященіи Григорія нисскаго. — Отказъ отъ сасимской епархіи по случаю угрозъ Авиана и размолвка съ Василіемъ. — Содѣйствіе Григорія отцу въ качествѣ викарія. — Попеченіе о наставъ назіанзской по смерти отца. — Удаленіе въ селекійскій монастырь.

Въ 372 г. Григорій рукоположенъ былъ во епископа сасимскаго. Это было для него причиною

еще большей скорби, чѣмъ посвященіе въ пресвитера; только при этомъ онъ болѣе всего жаловался на своего друга, а не на отца. «Что съ тобою сдѣлалось, писалъ онъ уже въ глубокой старости, обращая рѣчь къ св. Василию, за что вдругъ бросилъ ты меня въ такую отъ себя даль? Да погибнетъ въ мірѣ законъ дружбы, которая такъ мало уважаетъ друзей. Лжецемъ для меня сталъ этотъ во всемъ прочемъ неживѣйшій другъ. Не разъ слыхалъ онъ, какъ я говаривалъ: теперь все надобно переносить, хотя бы случилось что и худшее. Но какъ скоро не станеть родителей на свѣтѣ, тогда мнѣ́ будетъ полная возможность оставить дѣла и отъ бездомной жизни пріобрѣсти хотя ту выгоду, что легко буду гражданиномъ всякаго мѣста. Онъ слыхалъ это и хвалилъ мое разсужденіе. Но при всемъ этомъ вмѣстѣ съ отцемъ моимъ насильно возводитъ на епископскій престолъ» (6, 18).

Св. Григорія устрашало представленіе и о самомъ мѣстѣ назначенія—Сасимахъ. «На большой дорогѣ, пролегающей чрезъ Каппадокію, говоритъ онъ, есть мѣсто обычной остановки проѣзжихъ, съ котораго одна дорога дѣлится на три, мѣсто безводное, непроизрацающее и былинки, лишенное всѣхъ удобствъ, селеніе ужасно скучное и тѣсное. Тамъ всегда пыль, стукъ отъ повозокъ, слезы, рыданія, собиратели налоговъ, орудія пытки, цѣпи и жители чужеземцы и бродяги. Такова была моя церковь въ Сасимахъ,

здѣсь не было бы у меня хлѣба, чтобы разломить его съ прищельцемъ, здѣсь я нищій принялъ бы въ управленіе народъ также нищенствующій, невидя никакого средства оказать ему услугу; здѣсь я долженъ былъ обирать одни тернія, а не розы съ терній, пожинать одни бѣдствія, не прикрытыя никакими выгодами.» Вотъ причины, которыя побуждали Григорія со всеѣмъ жаромъ отказываться отъ епископскаго престола. Впрочемъ, хотя съ глубокою скорбію, хотя невольно, онъ дозволилъ совершить надъ собою посвященіе, и не подклонившись духомъ, подклонилъ однакоже вѣно подъ руки твердыхъ въ своей рѣшимости святителей Василія и своего отца. Слово, которое произнесъ самъ Григорій при своемъ посвященіи, заставляло думать, что онъ чрезъ нѣскольکو времени примирится съ новостію своего положенія. Объясняя здѣсь причины своихъ слезъ и страданій, Григорій просилъ наставленія у Василія къ прохожденію возложеннаго на него пастырскаго служенія; но при всемъ этомъ нельзя было надѣяться, что новопоставленный епископъ тотчасъ же рѣшится вступить въ управленіе своею епархіею. Въ этомъ же словѣ при рукоположеніи онъ ясно и съ силою высказалъ мысль, что никакъ не могъ порицать себя за свой страхъ и сѣтованіе о своемъ недостойнствѣ; это по тому, что и Исаія взывалъ: *о окаянный азъ*; и Маной, по явленіи Ангела, говорилъ: мы погибли, ибо видѣли Бога;

и апостоль Петръ просилъ Господа Иисуса удалиться изъ лодки, ибо почиталъ себя недостойнымъ Божія явленія и собесѣдованія. Этотъ страхъ и это смиренное сознание своего недостойнства не оставляли Григорія и по рукоположеніи; и такъ онъ опять сдѣлался бѣглецомъ, укрылся въ какую-то гору, посвятилъ себя любимому образу жизни, услаждался имъ и разсуждалъ самъ съ собою: «пусть для другихъ будутъ поты и труды, для другихъ брани и отличія за побѣды, а для меня, избѣгающаго браней и углубляющагося въ самого себя, довольно жить, какъ могу, и скудостію здѣшней жизни пріобрѣсть себѣ малую обитель въ жизни будущей. Можетъ быть болѣе низости, но зато и болѣе осторожности показываетъ мысль—равно удалиться и высоты и паденія.» Въ пустынной горѣ, куда скрылся Григорій, онъ говорилъ самъ себѣ и такія рѣчи: «впредь не буду вѣрить дружеству; для чего мнѣ полагаться на человѣка? Ибо всякъ человѣкъ льстиво ходитъ. Какая польза мнѣ отъ этой ревностной и прославляемой дружбы, которая началась съ міра и перешла въ духъ? Какая польза отъ того, что у насъ были одинъ кровь и одна трапеза, общіе наставники и уроки? Что пользы изъ этого болѣе, нежели братскаго, сліянія сердець и въ послѣдствіи искренняго единодушія? Ужели мнѣ не позволяютъ и того, чтобы остаться внизу во время владычества и возвышенія друга, когда многіе домогаются против-

наго, т. е. того, чтобы вмѣстѣ съ друзьями владычествовать и участвовать въ ихъ благодѣтвiи?» Впрочемъ самъ же Григорiй чрезъ нѣсколь-ко времени эту печаль и унынiе назвалъ и омраченiемъ ума, и высокоумiемъ, и надмѣнiемъ (1, 297). «Такъ размышлялъ я, пока еще можно было писать тѣни и питать умъ пустыми вымыслами.» Повторилась по прежнему просьбы и угрозы со стороны отца, и онъ перемѣнилъ свои мысли и свою перемѣну называлъ дѣломъ болѣе справедливымъ и болѣе приличнымъ. Все это открыто высказалъ онъ въ коротенькомъ словѣ, по возвращенiи изъ своего уединенiя. Вскорѣ послѣ сего къ празднику въ память неизвѣстно какихъ мучениковъ пришелъ въ Пазiанзъ для утѣшенiя Григорiя и братъ Василия Григорiй, епископъ Писскiй; и въ этотъ праздникъ Григорiй произнесъ бесѣду; въ ней поступокъ Василия назвалъ недостойнымъ живущаго въ немъ Духа, впрочемъ уже изъясняя такую готовность обречь себя на подвиги епископскаго служенiя, что отказывался и отъ утѣшенiй, какъ вовсе пенужныхъ, по окончанiи дней скорби. «Дорого для меня пришествiе твое, говорилъ онъ, обращаясь къ епископу Писскому, однако же укоряю тебя за то, что пришелъ позже, чѣмъ требовала нужда. Къ чему кормчiй послѣ бури, и лѣкарство по заживленiи раны» (1, 301)?

По симъ словамъ можно было бы подумать, что буря скорбей совсѣмъ утихла въ сердцахъ Гри-

горія, но не такъ было на самомъ дѣлѣ; въ немъ оставались чувства и мысли, которыя повременамъ все еще ослабляли твердую рѣшимость и показывали состояніе колебанія. Пока онъ собирался въ Сасимы, въ Назіанзѣ онъ наслышался много толковъ о немиролюбивомъ Аноимѣ, епископѣ сосѣдняго города Тіаны. Дѣйствительно Аноимъ усиленно домогался сасимскую епархію присоединить къ своей митрополіи, и у самаго Василія отнялъ лошаковъ, охраняя предѣлы своей митрополіи. Люди, расположенные къ Григорію, по лести или по убѣжденію, съ сожалѣніемъ говорили ему, что онъ брошенъ Васи́лемъ, какъ самый безчестный и ничего не стоящій сосудъ, или какъ подпорка подъ сводами, которую, по складкѣ свода, вынимаютъ и считаютъ за ничто. Когда самъ Аноимъ явился въ Назіанзъ, то не устыдился высказать нѣсколько угрозъ новопоставленному сасимскому епископу, и по отправленіи изъ Назіанза онъ съ дерзостію порицалъ двухъ Григоріевъ — отца и сына—въ письмѣ къ нимъ за приверженность къ Васи́лю. Все это побуждало Григорія отказаться отъ сасимской каѳедры, несмотря на новыя просьбы отца и на письменные упреки Василія. Васи́лій, чтобы побудить Григорія къ переселенію въ Сасимы, отказъ его отъ каѳедры производилъ изъ лѣности и нерадѣнія о благѣ Церкви и называлъ его даже человѣкомъ необразованнымъ, грубымъ, недостойнымъ дружбы, да и самой жизни. Вотъ отвѣтъ на это Григорія.

«Укоряешь меня въ дѣлности и перадѣлнн потому, что не взялъ твоихъ Сасимовъ, не увлекся епископскимъ духомъ, не вооружаюсь вмѣстѣ съ вами, чтобы драться, какъ дерутся между собою псы за брошенный имъ кусокъ. Но я столько хваплюсь своею безпечностію, что величіе духа въ этомъ почитаю закономъ для всѣхъ, и думаю, что если бы всѣ подражали мнѣ, то не было бы безпокойствъ Церквамъ, не терпѣла бы поруганій вѣра, которую теперь всякій обращаетъ въ оружіе своей любопрительности» (49). Св Григорій говоритъ еще о себѣ, что онъ вовсе не касался данной ему сасимской Церкви, ни однажды не совершалъ тамъ служенія Богу, не молился съ народомъ, не возложилъ рукъ ни на одного изъ клириковъ (622) Впрочемъ все это не означало, что онъ рѣшительно прервалъ дружбу съ Васи́ліемъ; напротивъ въ это же время онъ помогалъ Васи́лію въ его противодѣйствіи Аноиму. Это видно изъ слѣдующихъ словъ самого Григорія. «Усталъ я, слушаая упреки тебѣ и защищая тебя предъ людьми, которымъ хорошо извѣстны и прежнія и нынѣшнія наши съ тобою отношенія» (п. 50). Онъ велъ длинную бесѣду и съ Аноимомъ о томъ, что послѣдній несправедливо приписывалъ Сасимы въ свой округъ, и извѣщеніемъ Васи́лія о томъ, что Аноимъ желаетъ окончить дѣло миромъ на общемъ совѣщаніи съ прочими епископами, положилъ конецъ полугодичнымъ негодованіямъ, какія были между епископами

кессарійскимъ и тіанскимъ (94 п.) о сасимской кафедрѣ. Еще прежде соборнаго совѣщанія епископовъ, по дѣлу о сасимской кафедрѣ, Григоріи оказали важное содѣйствіе Василию рукоположеніемъ Евлалія во епископа города Доары. Какъ это было важно, можно судить по тому, что объ этомъ городѣ особенно спорилъ Аноимъ, изъ-за него приверженцы Аноима готовы были даже наложить на Григорія свои руки.

Но отказавшись отъ своей епархіи, Григорій, можно сказать, остался викаріемъ у своего отца. Отецъ его, убѣдясь въ невозможности отправить его въ Сасимы, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ склонялъ его принять на себя попеченіе о назіанской Церкви. «Подари немногіе дни останку моихъ дней, сказалъ онъ ему, подари немногіе дни, и прочю своею жизнію располагай, какъ тебѣ угодно. Сдѣлай мнѣ эту милость, сдѣлай, или другой предасть меня гробу. Такое наказаніе опредѣляю за непокорность.» Григорій согласился на требованіе отца, но согласился не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы ему дозволено было сложить съ себя попеченіе о Церкви назіанской немедленно по кончинѣ родителя. Это викаріатство Григорія продолжалось около двухъ лѣтъ. Изъ дѣяній его, относящихся къ сему періоду времени, извѣстны только два слова: одно сказано по случаю опустошенія полей необычайнымъ градомъ, а другое по случаю какого-то возмущенія жителей Назіанза.

Весною 374 г. умеръ отецъ Григорія, а вскорѣ

послѣ него и мать его. Григорій, воздавъ имъ послѣдній долгъ, думалъ оставить Назіанзъ и посвятить себя уединенной жизни. Но нѣсколько благоговѣйныхъ людей съ настойчивостію требовали отъ него и заклинали продолжать попеченіе о Церкви отцевой, говоря, что въ противномъ случаѣ она сдѣлается добычею множества людей богомерзкихъ, т. е. еретиковъ (621). Отказаться было чрезвычайно трудно, и на краткое время онъ остался еще въ Назіанзѣ, но имѣлъ попеченіе о Церкви назіанзской, какъ человѣкъ сторонній о Церкви чужой. Между тѣмъ вскорѣ съ нимъ приключилась болѣзнь и для излеченія отъ нея, онъ отправился въ Тіану. Пока онъ жилъ въ Тіанѣ, нѣкто Юліанъ, товарищъ и пріятель Григорія по школѣ, получилъ отъ начальства повелѣніе произвести народную перепись. Узнавъ объ этомъ, Григорій, при всей своей болѣзни, въ непродолжительномъ времени написалъ Юліану изъ Тіаны одно за другимъ три письма. Въ каждомъ изъ этихъ писемъ онъ просилъ и убѣждалъ Юліана быть человеколюбивымъ при обложеніи налогами жителей Назіанза, и особенно убѣждалъ освободить отъ переписи нищихъ, клириковъ и монаховъ. Какъ скоро Григорій возвратился изъ Тіаны, многіе настоятельно просили у него слова какъ долга, и притомъ обѣщали полное покореніе его наставленіямъ; почему онъ сказалъ слово о возможномъ для всѣхъ благоугожденіи Богу различными добродѣтелями, и въ

этомъ словѣ не разъ дѣлалъ обращеніе къ Юліану, вновь прося его освободить отъ податей нищихъ, клириковъ и монаховъ. Какъ долго лечился св. Григорій въ Тіанѣ, неизвѣстно. Но во все это время епископы, которыхъ просилъ Григорій о избраніи преемника его отцу, вовсе не думали объ исполненіи его просьбы. Это его крайне огорчило, и онъ, нимало не дожидаясь посвященія новаго епископа, тайно ушелъ изъ Назіанза въ Селевкію въ монастырь св. Феклы и провелъ здѣсь около 4-хъ лѣтъ. Векорѣ по удаленіи въ Селевкію, св. Григорій получилъ здѣсь извѣстіе объ изгнаніи Григорія Писскаго изъ его епархіи аріанами; здѣсь же услышалъ черезъ нѣсколько времени и о смерти Василія Великаго. Эти извѣстія и собственная болѣзнь исполнили его сердце столь глубокою скорбію, что онъ и самъ ждалъ себѣ смерти, какъ единственнаго утѣшенія. Это видно изъ письма его къ ритору Евдоксію; здѣсь между прочимъ читаемъ: «наши дѣла крайне горьки; не стало у меня Василія, не стало и Кесарія, не стало духовнаго и плотскаго брата, отецъ и мать оставили меня. Тѣломъ я боленъ, старость надъ головой, заботъ скопилось куча, дѣла задавили, въ друзьяхъ нѣтъ вѣрности, Церкви безъ пастырей, доброе гибнетъ, злое наружи, надо плыть ночью, нигдѣ не свѣтятъ путеказательные огни. Христосъ спитъ. Что мнѣ надобно претерпѣть? Одно для меня избавленіе отъ золь— смерть, но и тамоннее страшно, если гадать по здѣшнему» (171 п.).

ГЛАВА IV.

Состояніе Церкви константинопольской. — Возстановленіе въ ней православія Григоріемъ. — Терпѣливое перенесеніе имъ оскорбленій со стороны аріанъ. — Коварство Максима циника. — Напрасная попытка Григорія оставить Константинополь. — Прибытіе сюда императора Θεодосія и отнятіе у аріанъ главнаго храма. — Покушеніе на жизнь Григорія. — Утвержденіе его въ званіи архіепископа константинопольскаго. — Взглядъ его на церковныя вѣщества, растроченныя аріанами. — Голосъ Григорія въ пользу Павліна антиохійскаго. — Отреченіе отъ константинопольской каведры. — Прощальное слово. — Свидѣтельство Григорія о своей дѣятельности и образѣ жизни въ Константинополѣ.

Къ концу 4-хъ лѣтней жизни въ селевкійскомъ монастырѣ, Григорія посѣтили здѣсь нѣсколько константинопольскихъ христіанъ и многіе изъ епископовъ. Тѣ и другіе убѣдительно просили Григорія явиться въ Константинополь для защиты православія. Нельзя было не тронуться жалкимъ положеніемъ христіанъ константинопольскихъ. Въ новой столицѣ имперіи 40 лѣтъ господствовало аріанство (со временъ Македонія). Сюда стекались сокровища торговли, здѣсь поселялись люди ученые, здѣсь начинало образоваться законодательство вкуса и мнѣній для всего востока; поэтому утвердившіеся здѣсь аріане имѣли очень много средствъ къ распространенію своего лжеученія и въ отдаленныхъ окрестностяхъ, тѣмъ болѣе, что софисты аріанскіе были здѣсь самые искусные въ діалектикѣ. Кромѣ того въ большомъ числѣ были здѣсь и Македоніяне и Новатіане и Апполинаристы. Православныхъ же было

здѣсь такъ мало, что всѣ они могли помѣститься въ одномъ частномъ домѣ, который былъ ихъ модельною. Борьба съ арианскими софистами не могла казаться затруднительною для Григорія. Впрочемъ Григорій самъ сознается, что, несмотря на знаменательныя свидѣнія, не по доброй волѣ, но насильно увлеченный другими (6, 24), рѣшился онъ идти въ шумную столицу, для защищенія ученія о святой Троицѣ.

По прибытіи въ Константинополь (въ 379 г.) Григорій поселился у своихъ родственниковъ, вѣроятно Никобула и Алиппіены. Ихъ благочестивый, боголюбивый и на все щедрый домъ былъ для него, по его словамъ, тѣмъ же, чѣмъ домъ Сомонтианы для Елпсея (2, 310). Здѣсь-то сначала въ простыхъ бесѣдахъ раскрывалъ Григорій православнымъ ученіе о св. Троицѣ, разрѣшалъ ходячія возраженія арианъ и предостерегалъ православныхъ отъ бесполезныхъ споровъ съ еретиками на площадяхъ и рынкахъ. Вскорѣ число посѣтителей стало болѣе и болѣе увеличиваться; тогда Григорій обратилъ домъ своихъ родственниковъ въ церковь, назвалъ ее Анастасіею, и уже съ церковной кафедрой сталъ опровергать еретическое ученіе. Скоро узнали обо всемъ этомъ и ариане и тщательно начали наблюдать за его словами и образомъ жизни. Послѣ тайныхъ насмѣшекъ надъ Григоріемъ, рѣшились на открытое гоненіе, возмутили противъ него народъ и побуждали чернь къ своевольной

расправѣ. Демофилъ, аріанскій епископъ и подчиненные ему священники внушали простонародно, что Григорій учитель многобожія, и городъ пришелъ въ сильное волненіе; нашлись даже люди, которые изъ угожденія Демофилу не убоялись бросать камнями въ Григорія, когда видѣли его проходящимъ по улицѣ. Потомъ они повлекли Григорія какъ убійцу къ такимъ правителямъ города, у которыхъ былъ одинъ законъ— домогаться народноі къ себѣ благосклонности. Но какъ-то неизвѣстнымъ образомъ Христосъ (по словамъ Григорія) помогъ защитительному слову подсудимаго и даже прославилъ его на судѣ пристрастныхъ судей (6, 26). Испытавъ неожиданное содѣйствіе Божіе, Григорій съ твердостью продолжалъ начатое дѣло, тѣмъ болѣе, что люди, дорожившіе истинною вѣрой, показывали всѣ возможные признаки совершеннаго вниманія къ его поученіямъ. Въ тѣсномъ храмѣ Анастасіи народъ волнами устремлялся къ рѣшеткѣ, которая была самымъ ближайшимъ мѣстомъ къ каюдрѣ проповѣдника. Скорописцы со всѣмъ усердіемъ спѣшили записать все, что вылетало изъ устъ Григорія. Все это, говоритъ самъ Григорій, достаточно убѣждало меня въ томъ, что православные такое же имѣютъ ко мнѣ влеченіе, какое желѣзо къ магниту, и подкрѣпляло надежду на благодатное содѣйствіе успѣху проповѣданія. Слава о подвигахъ Григорія, о его борьбѣ съ еретиками далеко распространилась и за предѣлы

Константинополя. Блаженный Иеронимъ изъ пустыни сирійской снѣшилъ въ Константинополь единственно для того, чтобы послушать защитника православія. Св. Петръ, архіепископъ александрійскій, заслужившій славу исповѣдника, прислалъ къ Григорію письмо, которое могло служить также не малымъ для него ободреніемъ. При этомъ, хотя и повторялись нападенія и оскорбленія со стороны еретиковъ, но терпѣливое перенесеніе ихъ еще болѣе умножало расположеніе къ защитнику православія. Такъ однажды Григорій вынужденъ былъ прекратить тайнодѣйствіе (6, 181), потому что въ храмъ ворвались аріанскіе монахи и ишіе и метали въ Григорія камнями въ то самое время, когда онъ совершалъ таинство. Въ силу изданнаго около сего времени указа императора Осодосія, можно было съ твердою надеждою искать правосудія противъ еретическаго самоволія, но, несмотря на это, столь буйныя нападенія еретиковъ Святитель лучшимъ почиталъ отклонять отъ себя подвигами великодушія. Правда, что такое миролюбивое обращеніе съ еретиками подвергалось нареканію епископовъ, но только тѣхъ, которые незнакомы были съ ходомъ дѣлъ въ столицѣ аріанства. Для вразумленія такихъ, Григорій писалъ: «случившееся бѣдственно и верхъ бѣдствій, но конечно лучше быть великодушнымъ и показать примѣръ великодушія, ибо простой народъ не столько убѣждается словомъ, сколько дѣломъ, этимъ

безмолвнымъ увѣщаніемъ. Важнымъ почитаю наказать тѣхъ, которые насъ обидѣли, потому что это полезно къ исправленію другихъ, но гораздо выше и божественнѣе сего терпѣливо перенести обиду. Первое заграждаетъ уста пороку, а второе убѣждаетъ стать добрыми, а это гораздо лучше и совершеннѣе, чѣмъ не быть только злыми.» И дѣйствительно въ этомъ же письмѣ Григорій говоритъ, что оскорбители его уже возымѣли въ немъ нужду и уже достаточно приведены въ чувство. Въ это же время произнесены и тѣ пять словъ о богословіи, за которыя Церковь почтила Григорія именемъ Богослова ⁶⁾.

6) Во многихъ своихъ бесѣдахъ св. Григорій излагалъ догматическое ученіе, и опровергалъ заблужденія современныхъ ему еретиковъ; но съ древнихъ временъ особенною славою пользовались сіи пять его словъ о Богословіи противъ Евноміанъ и Духоборцевъ. Въ нихъ съ возможною простотою и ясностію опредѣляются свойства христ. Богословія и излагается ученіе о св. Троицѣ съ опроверженіемъ благовиднѣйшихъ возраженій противъ сего ученія. Въ то время, какъ св. Григорій возстановилъ православіе въ Константинополѣ, Евномій жилъ въ предмѣстьѣ Константинополя, въ Халкидокѣ и привлекалъ къ себѣ великое число посѣтителей. Послѣдователи его, по словамъ Григорія Богослова, пользовались всякимъ случаемъ, для распространенія своего лжеученія; всякая площадь оглашалась ихъ рѣчами, на всякомъ пиршествѣ наводили скуку, при всякомъ сѣтованіи искали утѣшенія въ предложенія богословскихъ вопросовъ и во всякомъ женскомъ теремѣ нарушали спокойствіе посѣдностію въ словѣ. При встрѣчахъ съ ними и право-

При видѣ столь великаго вліянія проповѣдей Григорія на жителей Константинополя, большая часть православныхъ желали предоставить Григорію архіепископскую кафедру. Но въ числѣ приближенныхъ Григорія былъ одинъ самый негодный человѣкъ (6, 36), изъ самыхъ хитрыхъ честолюбцевъ. Онъ жилъ со св. Григоріемъ подъ одною кровлей, вкушалъ съ нимъ пищу за одной трапезой, раздѣлялъ его мнѣнія и предположенія, и хотя изгнанъ былъ изъ своего отечества за

славные стыдились уклоняться отъ разсужденія о предметахъ вѣры. При этомъ случалось, что многіе слишкомъ поспѣшно оглашали другъ друга и святыми и безбожниками и раскольниками и еретиками (2, 31). А потому св. Григорій въ первомъ словѣ о Богословіи прежде всего возстаетъ противъ страсти къ спорамъ, жалуется на то, что всѣ и сами хотятъ быть богословами, и въ другихъ не больше какъ въ одинъ день вдохнуть богословскую ученость. Послѣ этихъ обличеній св. Григорій предлагаетъ и правила, когда и съ кѣмъ можно вступать въ собесѣдованіе о Богѣ. Кто читалъ внимательно четыре слова св. Аѳанасія противъ аріанъ, а также книгу Василія великаго о Св. Духѣ и его же пять книгъ противъ Евномія, конечно согласится, что въ сихъ словахъ Григорія новаго, или, какъ говорятъ, оригинальнаго, сказано слишкомъ мало. Здѣсь рѣшаются обычные аріанскія возраженія и рѣшаются большею частію такъ же, какъ рѣшали св. Аѳанасій и Василій Великій. Такимъ образомъ весьма несправедливы тѣ писатели, которые утверждаютъ, что св. Григорій Богословъ оригиналенъ въ каждомъ словѣ и на каждой строкѣ. Если эту оригинальность прилагаютъ только къ изложенію и расположенію мыслей, то съ этимъ нужно согласиться. Всѣ слова Григорія носятъ въ себѣ ясные слѣды такой строгой отдѣлки въ языкѣ и въ расположеніи,

срамныя дѣла, но увѣрялъ, что терпѣлъ сіе ради Бога. Григорій, обманутый видомъ строгаго благочестія и бѣлою одеждою цинической школы, почтилъ этого чужестранца даже похвальнымъ словомъ и отдавалъ ему первенство въ почестяхъ и въ сопрестоліи пресвитеровъ (6, 31). Между тѣмъ этотъ циникъ нанесть себѣ приверженцевъ въ клирѣ константинопольскомъ, подкупилъ семь присельцевъ изъ Египта и нѣкоторыхъ епископовъ; послѣдніе рѣшились тайно посвятить его во епископа константинопольскаго, не испросивъ на то ни у кого никакого согласія. Изъ

какой нельзя найти ни у Василія Великаго въ книгахъ противъ Евномія, ни у св. Аванасія; но содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій, за исключеніемъ слова о богословіи, и даже раскрытіе сего содержанія представляютъ много сходнаго. Этого надлежало ожидать и потому, между прочимъ, что книги Василія противъ Евномія и о Св. Духѣ св. Григорій читалъ еще до отправления въ Константинополь. Такъ говоримъ потому, что въ похвальномъ словѣ Василію, говоренномъ тотчасъ по возвращеніи изъ Константинополя, Григорій Богословъ о всѣхъ сочиненіяхъ Василія отзывается какъ о весьма извѣстныхъ ему твореніяхъ, и притомъ такихъ, которыя и до него, при размышленіи о предметахъ вѣры, служили руководствомъ и пособіемъ. Но само собою разумѣется, что отрывать оригинальность Григорія Богослова, приписываемую ему неосмотрительными панегиристами, вовсе не значитъ посягать на значеніе его, какъ Вселенскаго учителя. Въ дѣлѣ вѣры, въ догматическомъ ученіи, все отцы Церкви заботились не объ оригинальности, а о соблюденіи и уясненіи точнаго апостольскаго ученія, преемственно передаваемого отъ однихъ другимъ.

храма, гдѣ начато было исполненіе богопротивнаго замысла, вскорѣ эта толпа нечестивцевъ была выгнана не только православными клириками, но и людьми сомнительной вѣры, а потому посвященіе было dokonчено уже въ домѣ какого-то свирѣльщика. Весь городъ скорбѣлъ объ этомъ происшествіи, всѣ были смущены наглою дерзостію Максима; но были и такіе люди, которые готовы были поставить въ вину Григорію его непредусмотрительность и изъ этого случая заключать вообще о неспособности его различать добрыхъ людей отъ порочныхъ (6, 37). Кромѣ сего Григоріи узналъ, что враги его, аріане, почитали происшедшее раздѣленіе низложеніемъ самага ученія, и онъ немедленно рѣшился возвратиться въ свое уединеніе. Но друзья Григорія, внимательные къ состоянію его духа, вскорѣ замѣтили въ немъ желаніе тайно оставить Константинополь. Чтобы воспрепятствовать исполненію сего намѣренія, они составили около него непримѣтную стражу, охраняя всѣ его движенія, выходы и возвращенія. Что опасеніе ихъ было основательно, въ этомъ вскорѣ увѣрили событія. Въ послѣдней бесѣдѣ отъ скорби отеческаго сердца онъ произнесъ такія прощальныя выраженія: «блюдите всецѣлую Троицу, какъ предалъ вамъ, возлюбленнымъ чадамъ, самый щедрый отецъ, помните, любезнѣишіе, и мои труды.» Легко было понять, къ чему клонится рѣчь, и слушатели, какъ рой пчелъ, выгнанный

дымомъ изъ улья, вдругъ поднялись и оглушили крикомъ мѣсто собранія, всѣ закипѣли гнѣвомъ на враговъ православія и любовію къ пастырю, и чтобы достигнуть желаемого, прибѣгли къ сильнымъ заклинаніямъ и моленіямъ; они стали просить Григорія не о принятіи на себя бремени пастыреначальничества, но о томъ, чтобы онъ только остался у нихъ, помогаль имъ и не предавалъ паствы на расхищеніе волкамъ. Такое выраженіе приверженности сдѣлало безгласнымъ Григорія. Онъ почувствовалъ въ себѣ какое-то омраченіе, не въ состояніи былъ ни остановить шума, ни обѣщать того, о чемъ просили; но и въ своемъ продолженіи зрѣлице становилось еще умильтельнѣе. Женщины въ страхѣ напрягли свой голосъ, дѣти плакали, всякій клялся, что не отступится отъ своихъ домогательствъ, хотя бы храмъ сдѣлался для него прекраснымъ гробомъ, не отступится до тѣхъ поръ, пока не исторгнетъ у любимаго учителя вѣры одного желаннаго слова. Нашелся одинъ человѣкъ, который умѣлъ подѣйствовать на Григорія одною сильной фразой, именно онъ сказалъ ему: ты вмѣстѣ съ собою изводишь и Троицу. Послѣ сего Григоріи Богословъ далъ слово остаться въ Константинополѣ, но только на время, пока не придутъ нѣкоторые ожидаемые епископы. Это успокоило народъ; послѣ сего всѣ, хотя съ трудомъ, разошлись по домамъ (6, 40).

Давъ слово остаться въ Константинополѣ, св.

Григорій продолжалъ по прежнему своими бесѣдами утверждать въ вѣрѣ почитателей Троицы. «Пріявше на себя узы догматовъ, говоритъ самъ святитель, когда увидѣли, чему' я подвергся, возлюбили меня еще крѣпче. Однихъ приводила ко мнѣ проповѣдуемая Троица, а въ иныхъ было уваженіе къ моимъ словамъ; другіе же притекали ко мнѣ, какъ терпѣливому подвижнику. Инымъ пріятно было видѣть меня, какъ дѣло собственныхъ рукъ. Но и изъ разнородныхъ еретиковъ трудно было отыскать столь упорнаго, который бы не склонялъ слуха къ моимъ словамъ. Однихъ плѣняла сила ученія, другихъ дѣлалъ кроткими образъ выраженія. Безъ вражды, не столько съ укоромъ, сколько съ сердоболіемъ велъ я рѣчь, сѣтовалъ, а не поражалъ и не превозносился, какъ другіе, скоротечнымъ и непостояннымъ временемъ» (6, 44).

Между тѣмъ обстоятельства по видимому благопріятствовали исполненію народнаго желанія видѣть Григорія архіепископомъ константинопольскимъ не на краткое только время, но на всю его жизнь. 24 ноября 580 г. прибылъ сюда самъ императоръ Θεодосій и обѣщалъ немедленно передать православнымъ главный константинопольскій храмъ, а Григорію при первомъ свиданіи показалъ такую почитательность и такъ благосклонно говорилъ съ нимъ, что послѣдній ощутилъ трепетаніе удовольствія. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ не дорожилъ почитательными приемами самодержца. Слывкомъ было бы стыд-

но, писалъ онъ въ послѣдствіи (6, 41), если бы подумали, что такія вещи дорого цѣно и я.

Обѣщаніе государя казалось невѣроятнымъ. Аріане всѣми силами готовились удержать за собою великолѣпный храмъ; но въ назначенное время дѣйствительно послѣдовало исполненіе. Въ то же время, пока еще у всѣхъ живо было радостное впечатлѣніе, произведенное славословіемъ Бога въ великолѣпномъ храмѣ, въ это же время всѣ обратились съ просьбою къ государю о назначеніи въ архіепископа константинопольскаго Григорія, какъ возстановителя православія. Таково было требованіе и чиновныхъ и простолюдиновъ. О семъ вопіяли и женщины, почти забывъ, чего требуетъ отъ нихъ благоприличіе. Все оглашалось какими-то невѣроятными раскатами грома. Но Григорій очень далекъ былъ отъ мысли пользоваться подобными обстоятельствами, для утвержденія за собою кафедры. У него отъ смущенія и страха не стало силы въ голосъ, онъ велѣлъ встать одному изъ пресвитеровъ и его устами проговорилъ слѣдующія рѣчи: «удержите ваши крики, теперь время благодаренію, послѣ займемся и дѣлами.» Такимъ образомъ чрезъ эти немногія слова еще на нѣсколько дней онъ искусно уклонился отъ нежеласмой имъ архіепископской кафедры.

Послѣ этого торжества православныхъ, еретики, по выраженію Григорія, прекратили свои грозныя рыканія на него, но тайныя злоумыш-

ленія противъ него все еще не прекращались. Такъ однажды, когда Григорій былъ боленъ и оставался дома, между нѣсколькими простолюдинами пришелъ къ нему блѣдный молодой человекъ, съ всклокоченными волосами, въ печальной одеждѣ, припалъ къ ногамъ Григорія, плакалъ, рыдалъ, ломалъ себѣ руки, но на все вопросы не могъ отвѣчать ни одного слова. Только отъ другихъ Григорій узналъ, что этотъ человекъ, мучимый своею совѣстію, приходилъ просить себѣ прощеніе за преднамѣренное посягательство на его жизнь. Тронутый ясными признаками раскаянія, Григорій съ своей стороны посоветовалъ только своему врагу благодарить Бога за предохраненіе отъ кровопролитія. Чѣмъ и какъ остановленъ былъ этотъ молодой человекъ въ своемъ злобномъ намѣреніи—лишить Григорія жизни, неизвѣстно. Только это событіе вскорѣ разнеслось по городу стоустою молвою и убѣдило всехъ, что Григорій находится подъ особеннымъ Божиимъ покровомъ.

Вскорѣ послѣ сего, по желанію народа, Григорій назначенъ былъ въ архіепископа константинопольскаго самимъ императоромъ. И теперь сопротивленіе его сему назначенію было столь сильно (6, 252), что до крайности огорчало нѣкоторыхъ даже изъ самыхъ ревностныхъ его почитателей. Впрочемъ, хотя и противъ воли назначенъ былъ въ архіепископы, Григорій всею душою предался заботамъ епархіальнаго управле-

нія. «Я заботился, говорить самъ оны, о нищихъ и монахахъ, о дѣвахъ, служащихъ при храмѣ, о странныхъ, о прохожихъ, объ узникахъ, о псалмопѣніяхъ, о всенощныхъ бдѣніяхъ, о мужахъ и женахъ и обо всемъ, что веселитъ самаго Бога, когда совершается благочинно» (6, 52).

Противники Григорія распустили было слухъ, что у новаго архіепископа неостанетъ народа для наполненія однихъ притворовъ дарованнаго храма; но при частомъ проповѣданіи слова Божія, Григорій имѣлъ утѣшеніе видѣть полными народа не одинъ только константинопольскій храмъ, но даже нѣсколько храмовъ. Только распоряженіе касательно церковныхъ имуществъ не правилось большей части клира и народа, но Григорій увѣряетъ, что при этомъ имѣлъ въ виду возвыситъ святую вѣру и ея таинства. Вотъ въ чемъ состояло это распоряженіе. Главный храмъ константинопольскій, полученный въ управленіе отъ аріанъ, прежде былъ извѣстенъ огромными богатствами и многими драгоценностями; но Григорій, по занятіи архіепископскаго престола, не напелъ никакого отчета въ этомъ, ни по записямъ прежнихъ предстоятелей, ни у ѡкономовъ. При этомъ иные не только совѣтовали, но и принуждали произвести повѣрку церковнымъ доходамъ и имуществу; но святитель не сталъ входить въ розысканіе, главнымъ образомъ изъ опасенія, чтобы не послужило это къ оскорбленію таинства; а для отраженія порицаній

за этотъ поступокъ, Григорій писалъ: «кто выше пристрастія къ богатству, тотъ весьма одобритъ меня за это. Если же во всякомъ случаѣ худа ненасытность, то еще хуже быть ненасытнымъ духовному. Если бы все такъ рассуждали о деньгахъ, то никогда не было бы такого безпорядка въ церквахъ.»

Между тѣмъ враги Григорія не преминули распространить молву, будто онъ домогался константинопольскаго престола, и довести ее до слуха Григоріева. Для обличенія ихъ, св. Григорій въ присутствіи царя произнесъ слово, въ которомъ неопровержимо доказалъ невѣрность распространенныхъ толковъ.

Въ 381 г. состоялся въ Константинополѣ 2-й вселенскій Соборъ подъ предѣтельствомъ Мелетія, антиохійскаго архіепископа. Отцы Собора утвердили за Григоріемъ каедру, предоставленную ему народомъ и императоромъ. Это утвержденіе подѣйствовало весьма успокоительно на Григорія, и даже не мало его обрадовало. Въ мечтаніяхъ суетнаго сердца, говорилъ онъ послѣ, предполагалъ я, что какъ скоро пріобрѣту могущество этого престола, тотчасъ приведу въ согласіе отдалившихся другъ отъ друга (6, 53). Сколь ни естественна подобная надежда, при самомъ глубокомъ смиреніи, но она не оправдалась, какъ бы для увѣренія его въ томъ, что и малѣйшая самонадѣянность неугодна Богу; Григорій вскорѣ усмотрѣлъ, что и въ такомъ свя-

томъ дѣлѣ, какъ соборныя совѣщанія епископовъ, трудно примирить разногласящихъ. Смерть Мелетія породила чрезвычайные споры о томъ, кому быть его преемникомъ, тогда какъ этотъ вопросъ не требовалъ и совѣщаній, потому что у Мелетія былъ достойный его совмѣстникъ Павлинъ, только потому не пользовавшійся уваженіемъ восточныхъ епископовъ, что былъ избранъ на антиохійскій престолъ западными епископами. Послѣ многихъ совѣщаній, по поводу этого вопроса, Григорій съ твердостью челоуѣка, убѣжденнаго въ истинѣ, сказалъ отцамъ собора: «миѣ кажется, друзья, что не все вы равно постигаете дѣло. Пока находился въ живыхъ Мелетій, извинительно еще было нѣсколько и оскорбить западныхъ епископовъ. Теперь же примите мое предложеніе — благоразумное, превышающее мудрость юныхъ. Престолъ пусть будетъ предоставленъ во власть тому, кто владѣеть имъ, т. е. Павлину. Это будетъ единственнымъ прекращеніемъ неустройствъ. Пусть западные побѣдятъ насъ въ маломъ, чтобы самимъ намъ одержать важнѣйшую побѣду, быть спасенными для Бога и спасти міръ.» Такъ говорилъ Григорій, но прочіе епископы кричали, каждый свое; по словамъ Григорія, «это было тоже, что стадо галокъ, собравшееся въ одну кучу; буйная толпа молодыхъ людей, общая рабочая, вихрь, клубомъ поднимающій пыль, и буневаніе вѣтровъ. Вступать въ совѣщаніе съ такими людьми не пожелалъ бы ни-

кто изъ имѣющихъ страхъ Божій и уваженіе къ епископскому престолу. Они походили на ось, которая мечется туда и сюда и вдругъ всякому бросаются прямо въ лице» (6, 58). «Немного спустя прибыли еще на соборъ епископы египетскіе и македонскіе. Тѣ и другіе сошлись между собою, какъ вепри, остря другъ на друга свирѣлые зубы и исконная огненная очи.» Они сочли самое утвержденіе Григорія на константинопольскомъ престолѣ несообразнымъ съ законами, такъ какъ, говорили, онъ рукоположенъ во епископа сасимскаго. Какъ скоро намекнули на это, Григорій съ радостію ухватился за предлогъ къ оставленію кафедръ и здѣсь-то высказавъ общеизвѣстное сравненіе себя съ пророкомъ Іоною, добровольно и рѣшительно отказался отъ престола. Тотчасъ же послѣ того онъ отправился къ императору и просилъ дозволенія навсегда оставить Константинополь, чтобы не быть предметомъ зависти другихъ епископовъ. Царь, въ присутствіи нѣкоторыхъ саовниковъ, съ рукоплесканіемъ выслушалъ послѣднюю рѣчь Григорія, однакоже съ трудомъ согласился на его просьбу. Еще труднѣе было убѣдить народъ, чтобы приняли это равнодушно (6, 65). И прежде много было пролито слезъ о Григоріѣ, много высказано было громкихъ восклицаній, жалобъ, заклинаній, когда онъ, по случаю противорѣчій объ антiохійской кафедрѣ, пересталъ являться на соборныя совѣщанія и объявилъ желаніе вести жизнь пустыни-

ную (6, 58); и тогда еще многие говорили: «уважь труды свои, какими изнуряль себя, и останокъ дыханія своего отдай намъ и Богу. Пусть этотъ храмъ препроводить тебя изъ сей жизни.» Теперь же еще болѣе можно было ожидать слезъ, просьбъ и заклинаній; это потому, что когда Соборъ изъявилъ безпрекословное согласіе на увольненіе его изъ Константинополя, многие изъ епископовъ, какъ скоро узнали о рѣшеніи Собора, потекли вонъ какъ стрѣлы молніи, затыкали себѣ уши, всплескивали руками и не хотѣли даже и видѣть, чтобы другой возведенъ былъ на престолъ константинопольскій. При такихъ обстоятельствахъ нужно было употреблять ласки, похвалы и рукоплесканія людямъ злонамѣреннымъ, чтобы народъ не питалъ къ нимъ гнѣва. и Григорій дозволилъ себѣ то изъ опасенія народнаго возмущенія (6, 65). Для большаго же утѣшенія своихъ чадъ по вѣрѣ, св. Григорій въ присутствіи ста пятидесяти епископовъ сказалъ самую трогательную прощальную бесѣду къ константинопольской паствѣ; въ этой бесѣдѣ онъ предавалъ свое дѣло суду архипастырей, указалъ, сколько дозволяло смиреніе, на свои труды для блага Церкви, на слабость своихъ тѣлесныхъ силъ, которыя требовали успокоенія, объяснилъ необходимость тѣхъ своихъ дѣйствій, которыя подвергались пересудамъ, и повторилъ сущность проповѣданнаго имъ здѣсь ученія; въ заключеніе просилъ отпустить его съ молитвами, а на его

мѣсто избрать такого, который былъ бы изъ числа возбуждающихъ зависть, а не сожалѣніе, изъ числа не всякому во всемъ уступающихъ, но умѣющихъ въ иномъ случаѣ и воспротивиться для большаго блага. Послѣ этой бесѣды онъ вскорѣ удалился изъ Константинополя.

И въ стихотвореніи о своей жизни и въ нѣкоторыхъ словахъ, говоренныхъ въ Константинополѣ, Григорій имѣлъ случай довольно яркими чертами изобразить образъ своей двухлѣтней жизни въ Константинополѣ. Чтобы вѣрнѣе можно было судить о обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ возстановленію православія въ столицѣ аріанства, для сего здѣсь не только умѣстно, но и необходимо сдѣлать извлеченія изъ сихъ сочиненій. Вотъ что самъ Григорій говоритъ о томъ, что онъ сдѣлалъ для Константинополя, и какія употреблялъ для сего средства. «Нѣкогда паства сія была мала и несовершенна, безъ порядка, безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ... Но теперь кто бы ни былъ цѣнителемъ словъ моихъ, виждь, Соборъ, пресвитеровъ, украшенныхъ сѣдиною и мудростію, благочиніе діаконовъ, не далекихъ отъ тогоже духа, скромность чтецовъ, любовь къ ученію въ народѣ. Посмотри на мужей и женъ, всѣ равночестны въ добродѣтели; и изъ мужей посмотри на любомудрыхъ и простыхъ, всѣ умудрены въ божественномъ,—на начальниковъ и подчиненныхъ, здѣсь всѣ прекрасно управляются; на воиновъ и на благород-

ныхъ, на ученыхъ и любителей учености; всѣ воинствуютъ для Бога, всѣ въ подлинномъ смыслѣ учены, всѣ служители истиннаго слова. Иные изъ нихъ—дѣло моихъ словъ, порожденіе и плодъ моего духа, и я очень увѣренъ, что сіе засвидѣтельствуютъ признательные изъ васъ, или что даже всѣ вы засвидѣтельствуете это. Смотрите: языки противниковъ стали кротки и вооружившіеся противъ Божества безмолвствуютъ предо мною. И это плоды Духа, и это плоды моего дѣланія. Ибо учу, не какъ неученый, не поражаю противниковъ укоризнами, но воинствованіе свое за Христа доказываю тѣмъ, что сражаюсь, подражая Христу, Который смиренъ и кротокъ (4, 35. 36). Былъ у меня и другой законъ ученія, именно слѣдующій: не признавать путемъ къ благочестію этого легко пріобрѣтаемаго и зловреднаго языкоболія, не метать таинственныхъ ученій безъ всякой пощады на зрѣлищахъ, на пирахъ, во время упоенія, среди смѣха, когда сердце разнѣжено пѣснями, но доказывать благочестіе всего болѣе исполненіемъ заповѣдей, такъ чтобы питать нищихъ, принимать странныхъ, ходить за больными, постоянно проводить время въ псалмопѣніяхъ, молитвахъ, воздыханіяхъ, слезахъ, возлежаніяхъ на голой землѣ, въ умерщвленіи чувствъ, въ обузданіи чрева» (6, 43).

«Когда императоръ Оеодосій жилъ въ Константинополѣ, всѣ тогда кланялись гордымъ сановниковъ, особенно тѣхъ, которые имѣли силу

при дворѣ и неспособны ни къ чему другому, какъ только собирать деньги; трудно и сказать, съ какимъ усердіемъ и съ какими происками припадали тогда къ самымъ вратамъ царевымъ, другъ друга обвиняли, перетолковывали, употребляли во зло даже благочестіе; одинъ я признавалъ для себя лучшимъ, чтобы меня любили, а не преслѣдовали ненавистію. Я хотѣлъ снискать себѣ уваженіе тѣмъ, что меня рѣдко видѣли, большую часть времени посвящая Богу и очищенію, а двери сильныхъ земли предоставлялъ другимъ (6, 50). И тогда какъ былъ я у императора, кланялся ли я, изгибался ли, припадалъ ли къ его десницѣ, вымолвилъ ли какое предъ нимъ просительное слово? Засылалъ ли ходатаемъ кого другаго изъ друзей, наиболѣе сильныхъ при дворѣ и особенно ко мнѣ расположенныхъ (6, 64)? Скорѣе можно обвинять насъ въ грубости и незнаніи свѣтскихъ приличій, нежели въ ласкательствѣ и раболѣпствѣ; даже и къ тѣмъ, которые весьма къ намъ привержены, оказываемся иногда суровыми, какъ скоро они поступаютъ въ чемъ нибудь, по нашему мнѣнію, незаконно (3, 202). Дѣйствительно я не говорливъ, не забавенъ, не могу понравиться тѣмъ, съ которыми бываю вмѣстѣ, не посѣщаю народныхъ собраній, не умѣю повести разговоръ и перекинуть слово, съ кѣмъ случится и какъ случится, такъ что и рѣчи мои неспосны, не бываю въ публичныхъ баняхъ, не хожу изъ дома въ домъ насыщать

чрево, но больше сижу дома угрюмый и печальный, въ безмолвіи занимаюсь самъ съ собою, а не высчитываю у себя годовыхъ и ежедневныхъ доходовъ (3, 172), не тщеславлюсь грузомъ стола и приправами для безчувственного чрева, веду себя по старинѣ и пофилософски, не запасаясь на завтрашній день, и посему мало чѣмъ различаюсь отъ звѣрей, у которыхъ нѣтъ ни сосудовъ, ни запасовъ (3, 172); нѣтъ у меня ни богатаго стола, ни соотвѣтственной сапу одежды, ни торжественныхъ выходовъ, ни величавости въ обхожденіи.... Не зналъ я, что мнѣ надобно ѣздить на отличныхъ коняхъ, блистательно высидѣться на колесницѣ, что и мнѣ должны быть встрѣчи, пріемы, съ подобострастіемъ, что всѣ должны давать мнѣ дорогу и разступаться передо мною, какъ передъ дикимъ звѣремъ, какъ скоро даже издали увидятъ идущаго» (4, 47). Вотъ образъ жизни св. Григорія въ Константинополѣ; изъ этихъ его замѣчаній, по соображеніи съ обстоятельствами легко можно понять, что сильное вліяніе архипастырей на народъ и даже усердіе къ посѣщенію храмовъ очень мало зависятъ отъ важности и грозной величавости епископовъ или поразительной обрядности и соединеннаго съ театральностію великолѣпія при богослуженіи. о чемъ особенно заботятся пастыри римской Церкви. Напротивъ, по мнѣнію Григорія Богослова, эти условія больше и чаще бываютъ нужны только тогда, когда пастырю недостаетъ духа истиннаго благочестія.

ГЛАВА V.

Причины удаленія Григорія изъ Константинополя. — Грусть его о константинопольской и назіанзской Церкви. — Борьба его съ аполинаристами. — Огорченія отъ Елладія кесарійскаго. — Объясненіе причинъ, почему не припаялъ приглашенія явиться на Соборъ. — Ходатайственныя письма его объ умиреніи дѣлъ церковныхъ. — Образъ жизни его въ Аріанзѣ. — Безмолвіе его во время четырехдесятницы и причины сего обѣта. — Оскорбленіе отъ рождественника Валентиніана и письмо къ нему. — Молитва о смерти. — Вышнія черты его лица.

Одна изъ главныхъ причинъ, по которой Григорій сложилъ съ себя управленіе константинопольскою Церковію, была слабость здоровья. Такъ онъ, еще до прибытія императора въ Константинополь, по болѣзни на нѣсколько времени удалялся отсюда въ какое-то селеніе, лежащее по берегу моря, и здѣсь занимался благочестивыми размышленіями, особенно о суетѣ жизни, которыя въ то же время или послѣ изложилъ стихотворнымъ языкомъ. Когда единомышленники Максима приступили къ посвященію его, Григорій такъ былъ боленъ, что не могъ ходить. Въ такомъ же положеніи былъ онъ и тогда, когда злоумышлявшій на жизнь его пришелъ къ нему съ раскаяніемъ въ своемъ ужасномъ предпріятіи; и въ это время онъ едва могъ свѣсить ногу съ своей постели, на которой лежалъ, не имѣя силъ переходить съ одного мѣста на другое, и, по собственнымъ его словамъ, не занимался дѣлами; а это и подавало поводъ завист-

никамъ Григорія говорить, что онъ въ уединеніи предается нѣгѣ (6, 51.). Поэтому и въ прощальномъ словѣ онъ смѣло указывалъ предъ епископами и предъ знавшимъ его народомъ на ослабленіе въ тѣлесныхъ силахъ. «Успокойте меня, говоритъ онъ, отъ долговременныхъ трудовъ, уважьте мою сѣдину. Видите, въ какомъ состояніи у меня тѣло, истощенное временемъ, болѣзнію и трудами. На что вамъ пужень старикъ робкій, ослабѣвшій, умирающій, такъ сказать, ежедневно не тѣломъ только, но и заботами, — старикъ, который и это съ трудомъ выговаривать можетъ» (4, 43). Такимъ образомъ и болѣзнь достаточно могла оправдывать удаленіе Григорія изъ Константинополя; но кромѣ сего тѣмъ, которые смотрѣли на сіе удаленіе съ подозрѣніемъ, святитель, въ свое оправданіе, указывалъ и другія причины. «Не слегка и не кое-какъ, писалъ онъ какому-то Филагрію, но съ большимъ тщаніемъ разсмотрѣвъ обстоятельства, приступилъ я къ рѣшенію дѣла. Утомился я въ борьбѣ съ завистливыми епископами, которые нарушаютъ общее единомысліе и дѣло вѣры ставятъ ниже частныхъ распрей. Ты пишешь, что опасно оставлять Церковь; но какую? Если свою, то и я подтверждаю тоже; если же Церковь, не мнѣ принадлежащую и не мнѣ назначенную, то не подлежу отвѣтственности. Но можетъ быть надобно было держаться мнѣ Церкви, потому что нѣсколько времени имѣлъ я о ней попече-

ніе? Правда въ настоящемъ случаѣ трудъ достоинъ награды, но и отказъ не подлежитъ отвѣтственности (84 п.), тѣмъ болѣе, что меня возвратили трудъ и болѣзнь» (6, 85.).

Убѣжденный такимъ образомъ въ невинности своего отказа, Григорій съ радостію оставлялъ Константинополь. «Одного ищущи себѣ, писалъ онъ, — обитать вдали отъ злыхъ, гдѣ могъ бы единымъ умомъ искать Бога, гдѣ питала бы мою старость утѣшительная надежда горнихъ благъ, гдѣ избѣжалъ бы зависти и бури» (6, 66.). Успокоительна и отрадна была эта надежда, но внимательный читатель твореній Григорія легко замѣтитъ, что и эти утѣшительныя минуты упованія не свободны были отъ прилива грусти. Григорій самъ говоритъ, что по временамъ все еще проявлялось въ немъ чувство скорби о сиротѣющихъ духовныхъ дѣтяхъ, и не зналъ, что будетъ съ народомъ (6, 64). Онъ задавалъ себѣ и такіе вопросы: «какъ поступила со мной зависть? Зачѣмъ разлучила съ священными чадами меня, который подвизался долгое время, озаряя ихъ небесными ученіями, и изъ камня источалъ имъ потокъ? Какое въ этомъ правосудіе? Мой былъ трудъ, я подвергался опасности, въ первый разъ напечатлѣвая въ городѣ благочестіе, а теперь другой веселитъ сердце свое моими трудами, неожиданно вступивъ на чужой престоль, на который я былъ возведенъ Богомъ и добрыми Божіими служителями» (6, 82.).

Изъ Константинополя прежде всего Григорій сочель нужнымъ отправиться въ Кесарію, и здѣсь почтилъ похвальнымъ словомъ своего умершаго друга. Но и по возвращеніи въ отечество, Григорія не оставляли скорбныя мысли и чувства. Церковь назіанзскую уже нельзя было сравнивать съ ковчегомъ Ноевымъ, спасшимся отъ потопленія въ водахъ еретическаго ученія, какъ было при отцѣ его; это былъ народъ, страдавшій отъ безначалія подобно кораблю, который, среди глубины лишившись кормчаго, обуревался волнами. Особенно аполлинаристы немилосердно рвали и расхищали доброе стадо. «Я хотя принялъ жезлъ другаго стада, писалъ по сему случаю св. Григорій, однакоже болѣзную, видя уничтоженіе отеческихъ трудовъ». Григорій желалъ и употреблялъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы во епископа назіанзкаго былъ рукоположенъ пресвитеръ Евлалій, чловѣкъ, по его словамъ, совершенно способный противостать дыханію бури; но многіе изъ назіанзянъ усильно сему противодѣйствовали. Поэтому пока сосѣдніе епископы медлили рукоположеніемъ епископа въ Назіанзѣ, Григорій и самъ имѣлъ попеченіе о паствѣ отеческой, и хотя жилъ не въ Назіанзѣ, а въ Аріанзѣ, но смотря по извѣстіямъ, какія получалъ отъ пресвитера Кледонія, онъ указывалъ тѣ или другія мѣры къ прекращенію смуть церковныхъ. Особенно важными въ семъ отношеніи должно признать два посла-

нія его къ Кледонію, которыя значительно могли облегчить борьбу съ аполлинаристами. Вскорѣ Григорій написалъ и нѣсколько стихотвореній, заключающихъ также опроверженіе заблужденій аполлинаристовъ. Эти стихотворенія не могли не ослабить уваженія къ псалтирю и стихамъ, которыя написаны были аполлинаристами и почитались у нихъ третьимъ завѣтомъ (4, 207).

Въ то время, когда Григорій лечился на ксансаридскихъ теплыхъ водахъ, аполлинаристы поставили въ Назіанзъ своего епископа. Узнавъ объ этомъ, святитель просилъ управлявшаго 2-ю Каппадокією Олимпія хотъ какъ-нибудь показать ихъ высокоуміе, а Оеодора, епископа тіанскаго, просилъ употребить всевозможныя мѣры къ избранію православнаго епископа въ Назіанзъ (4, 124). Съ облегченіемъ отъ болѣзни, Григорій былъ утѣшенъ избраніемъ Евладія во епископа назіанзскаго, но въ то же время не мало былъ оскорбленъ тѣмъ, что Елладій, архіепископъ кесарійскій, входилъ въ изслѣдованіе о его дѣлахъ и для сего прибѣгалъ не къ духовнымъ средствамъ, и цѣлю поставлялъ не соблюденіе церковныхъ правилъ, но удовлетвореніе гнѣву. Это было тѣмъ оскорбительнѣе, что Елладій состоялъ въ дружеской повидному перепискѣ съ Григоріемъ и къ праздникамъ посылалъ ему или подарки, или поздравительныя письма (п. 105. 106). Видно, что Елладію хотѣлось оставить Григорія епископомъ назіанзскимъ до самой смер-

ти; но святитель всѣмъ тѣмъ, которые раздѣляли мысли кесарійскаго митрополита, отвѣчалъ такъ: «если бы я имѣлъ столько тѣлеснаго здоровья, чтобы могъ править церквами въ Назіанзѣ, то я не столько жалокъ и несвѣдуицъ въ божественныхъ постановленіяхъ, чтобы сталъ или презирать Церковь, или гоняться за удобствами жизни».

Удаляясь въ Аріанзѣ, св. Григорій хотѣлъ, подобно рыбѣ—корабликъ, издали смотрѣть, какъ другіе терпятъ пораженіе или поражаютъ ближнихъ (84). Дѣйствительно онъ и изъ своего уединенія внимательно наблюдалъ за современнымъ ходомъ дѣлъ церковныхъ; впрочемъ при этомъ, сколько могъ, и самъ старался дать имъ направленіе благопріятное для православныхъ. Правда, что онъ отказался отъ принятія участія въ совѣщаніяхъ продолжавшагося константинопольскаго Собора, несмотря на двукратное приглашеніе императора Θεодосія, но отказался по причинѣ недовѣрія къ отцамъ Собора, а еще болѣе, по причинѣ опасной болѣзни. «Если должно писать правду, писалъ Григорій сановнику императора, черезъ котораго сдѣлано приглашеніе,—то моя мысль—уклоняться отъ всякаго собранія епископовъ. потому что не видалъ еще ни одного собранія, которое бы имѣло во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ, и болѣе бы избавляло отъ золь, нежели увеличивало ихъ. Любопытность и любоначаліе выше всякаго описа-

нія б). Теперь же побуждаетъ меня къ такому рѣшенію и болѣзнь, отъ которой всегда я почти при послѣднемъ издыханіи и ни на что не могу употребить себя» (п. 107. 110). Впрочемъ, хотя Григорій отказался быть на Соборѣ, но своими письмами не мало содѣйствовалъ къ обузданію своеволія еретиковъ. Такъ въ письмѣ къ преемнику своему по константинопольской каедрѣ просилъ ходатайствовать предъ царемъ о запрещеніи еретикамъ, особенно аполлиаристамъ, имѣть свои собранія (п. 46). Черезъ нѣсколько времени Григорій узналъ о предполагаемомъ Соборѣ въ 383 г. и въ это время онъ убѣдительно просилъ тогдашнихъ консуловъ, Постуміана и Сатурнина, а также двоихъ сильныхъ при дворѣ сановниковъ—Мардарія и Виктора (п. 154 и 156), принять возможные мѣры къ умирненію Церкви во время Собора. Вотъ какъ начинается письмо къ Постуміану: «ничего не почитай столько приличнымъ твоему начальствованію, какъ это одно, чтобы подъ твоимъ начальствомъ и твоими трудами умирнены были Церкви, хотя бы для сего

б) Говоря такимъ образомъ, св. Григорій по видимому очень мало полагался на добросовѣстное и основательное разсужденіе о предметахъ вѣры и благочинія даже на соборахъ, при честолюбіи епископовъ. Но въ настоящемъ случаѣ легко понять, что такой отзывъ о соборахъ есть слѣдствіе или слишкомъ живой впечатлительности Григорія, или невѣрнаго умозаключенія его отъ одного или двухъ случаевъ ко всемъ или къ большей части случаевъ.

нужно было съ особенною строгостію наказать мятежныхъ. А если я кажусь тебѣ страннымъ, что, удалившись отъ дѣлъ, не покидаю заботы, не дивись этому. Хотя уступилъ я престолъ и высокоость сана желающимъ, однакоже не уступилъ съ этимъ и благочестія, но думаю, что теперь и покажусь для тебя болѣе достойнымъ довѣрія, какъ служащій не собственно своему, но общему благу» (п. 151. 152). Совѣты Григорія въ самомъ дѣлѣ были уважены, какъ видно изъ того, что императоръ Осодосій повторилъ прежній свой указъ, которымъ еретикамъ запрещалось имѣть свои собранія, но который дотолѣ оставался безъ исполненія.

Какую строгую подвижническую жизнь велъ Григорій по удаленіи изъ Константинополя, это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ его стихотвореній: «Одинъ неразумный человѣкъ, такъ пишетъ Григорій въ одномъ стихотвореніи, богатый и высококомѣрный, вздумалъ недавно утверждать, что я роскошествую; сверхъ прочаго говоритъ онъ и то, что я богатъ, потому что свободенъ отъ дѣлъ, имѣю у себя садъ и небольшой источникъ. На это отвѣчалъ я ему: умалчиваешь ты, несчастный, о слезахъ, объ уздѣ, наложенной на чрево, о язвахъ на колѣнахъ и о ночномъ бдѣніи» (5, 245). Въ другомъ стихотвореніи, оплакивая страданія души своей, Григорій такъ описываетъ образъ своей жизни: «Я умеръ для жизни, едва перевозжу дыханіе на землѣ; бѣгаю городовъ и

людей, бесѣдуя со звѣрями и утесами; одинъ вдали отъ другихъ обитаю въ мрачной и необдѣланной пещерѣ, въ одномъ хитонѣ, безъ обуви, безъ огня; питаюсь только надеждой; ложемъ у меня древесныя вѣтви, постелею власянница и пыль на полу, омоченная слезами. Многіе воздыхаютъ подѣ желѣзными веригами; иные, осыпаемые зимними снѣгами, по сороку дней и ночей стоятъ какъ деревья, имѣя въ мысляхъ единого Бога. Иной замкнулъ себѣ уста и на языкъ свой наложилъ узду, которую ослабляетъ только для однихъ пѣснопѣній. Другой смежилъ очи и къ слуху приставилъ двери, чтобы не уязвило его откуда-нибудь непримѣтнымъ образомъ жало смерти. Такіе способы у врачеванія и я употреблялъ противъ непріязненной плоти» (4, 308). Особенно замѣчательна заботливость Григорія о обузданіи языка. Въ 382 году Григорій налагалъ на себя молчаніе на всю Четырдесятницу. Цѣль своего подвига онъ самъ объясняетъ такъ: «примѣтивъ, что стремительность бѣглаго слова не знаетъ ни вѣса, ни мѣры, я совершенно удержалъ слово въ высокоумномъ сердцѣ, чтобы языкъ мой научился наблюдать, что ему можно говорить и чего нельзя (4, 355). Молчаніе укротить и раздражительность, которая не высказываетъ себя, но сама въ себѣ поглощается» (п. 95). Быть можетъ, что наложеннымъ на себя молчаніемъ онъ хотѣлъ и другихъ сколько-нибудь предостеречь отъ суетнаго, а еще болѣе отъ па-

губнаго празднословія. Конечно, такой объѣтъ безмолвія казался для многихъ даже страннымъ, особенно для тѣхъ, которые приходили къ Святителю въ это время, и не могли добиться отъ него иного слова, кромѣ какихъ-нибудь минъ и жестовъ, болѣе необходимыхъ для отвѣта. Служать другихъ Григорій соглашался, если только они говорили при этомъ о чемъ-нибудь добромъ и нужномъ, но самъ не давалъ ни на что ясныхъ отвѣтовъ (п. 97). Въ это время посѣщаль Григорія назіанзскій градоначальникъ Келевсій, но и для него не допущено было нарушеніе объѣта. Градоначальникъ обвинялъ Григорія въ грубости и неучтивости, но въ отвѣтъ на это получилъ письмо, въ которомъ Григорій со всею смѣлостію писалъ: «мое безголосье лучше твоего красноглаганія,» и напомнилъ ему пословицу: тогда запоютъ лебеди, когда замолчатъ галки (п. 92). Самыя письма, какія писалъ онъ во время своего безмолвія, и которыхъ дошло до насъ до семи, отличаются чрезвычайнымъ лаконизмомъ. Въ это же время написалъ св. безмолвникъ и два стихотворенія: на гнѣвливость и разговоръ на часто кленущихся; здѣсь отчасти объясняются и тѣ причины, которыя побудили Григорія дать объѣтъ безмолвія.

Не болѣе какъ за годъ до смерти, св. Григорію причинилъ еще великое оскорбленіе какой-то его родственникъ, по имени Валентиніанъ. Въ Аріанзѣ, противъ мѣста, гдѣ Григорій проводилъ

свою безмолвную жизнь, Валентиніанъ поселилъ женщинъ зазорнаго поведенія. Григорію по той его сердечной чистотѣ, какую онъ полюбилъ съ самаго дѣтства, конечно нечего было опасаться; но несмотря на это, Григорій, съ приближенными ему людьми, поспѣшно убѣжалъ изъ своей пустыни, хотя она была для него очень любезна и по родственнымъ воспоминаніямъ, и потому, что здѣсь были погребены его родители, и здѣсь же почивали монхи назіанзскихъ мучениковъ, въ честь которыхъ ежегодно совершалось празднество 29 октября. Положеніе добровольнаго изгнанника было чрезвычайно горестное. Великость скорби ясно выразилась въ стихотвореніи, написанномъ по этому случаю. Здѣсь онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: «оставалась у меня одна родина, но и оттуда изгналъ меня злобный демонъ, воздвигнувъ противъ меня черныя волны. Теперь я, одинокій странникъ, скитаюсь на чужой сторонѣ, влача скорбную жизнь и дряхлую старость, не имѣю у себя ни престола, ни града, ни чады, хотя обремененъ заботами о чадахъ» (4, 326). И въ письмѣ къ Валентиніану содержится подобная же жалоба, именно здѣсь онъ такъ выговариваетъ своему обидчику: «самымъ нечестивымъ образомъ гонять насъ изъ отчизны не словомъ, но дѣломъ и весьма жестоко; гораздо лучше было бы объявить приказъ объ удаленіи явнымъ предписаніемъ, нежели нарушать святость нашей жизни

поселеніемъ женщинъ прямо противъ насъ. Если не смѣло будетъ сказать, то чрезъ Еву извергъ ты и насъ изъ рая. Правда, что нетрудно найти благовидную отговорку, и сказать,—что ты оказываешь намъ честь чрезъ такое сосѣдство, желаешь принимать насъ дружески и родственно, однако же слово—не дѣло. Когда вы приходите на это мѣсто, мы принимаемъ васъ и лобызаемъ, но отъ домоправленія женщинъ также спѣшимъ удалиться, какъ и отъ набѣга ехиднѣ. Поэтому дѣло наше кончено. Мы перехитрены, предались бѣгству, оставивъ и труды рукъ своихъ и надежды, и принеся немало оправданій предъ св. мучениками. Конечно это тяжело и невыносимо, однако же входитъ въ любомудріе избранной нами жизни» (п. 212). Изъ этого письма ясно видно, какъ бдителенъ и строгъ къ себѣ былъ св. Григорій, даже при встрѣчѣ съ такими соблазнами, которыхъ ему вовсе нечего было опасаться, и какъ несправедливы жалобы на строгость древнихъ правилъ о поведеніи иноковъ въ подобныхъ сему обстоятельствахъ.

Письмо къ Валентиніану произвело въ немъ раскаяніе, и св. Григорій послѣдніе дни своей жизни могъ проводить въ Аріанзѣ. Обстоятельства его кончины неизвѣстны. Обыкновенно полагаютъ, что онъ умеръ въ 389 или 390 году. Смерть для него была такъ безстрашна, что онъ самъ въ молитвахъ своихъ часто просилъ се у Бога; незадолго до смерти онъ написалъ въ стихахъ и

надгробіе себѣ; здѣсь онъ кратко исчислилъ скорбныя и радостныя событія своей жизни, упомянулъ и о своихъ трудахъ для славы имени Божія, а также и о томъ, что онъ отъ юности носилъ въ душѣ своей чистыя стремленія (4, 385).

Въ Прологахъ сохранилось описаніе внѣшняго вида св. Григорія. Именно объ этомъ здѣсь говорится слѣдующее: св. Григорій росту небольшого, блѣдноватъ, брови имѣлъ прямыя, взглядъ кроткій и ласковый; правый глазъ, который въ одномъ углу сократила рана, прищуренъ; борода была недлинная, но довольно густая, конецъ бороды представлялся съ темнымъ отливомъ; волосъ на головѣ было очень мало, въ молодости они были бѣлокурые, а въ старости совершенно сѣдые.—Моги его изъ Назіанза въ Константинополь перенесены въ 950 г. по желанію и соучастію императора Порфиророднаго, а теперь онѣ хранятся въ Римѣ въ базиликѣ Петра; сюда перенесены греческими монахинями во время крестовыхъ походовъ (Муравьева римскія письма).

ГЛАВА VI.

Нѣкоторыя черты характера св. Григорія, извлеченныя изъ его писемъ.—
Уваженіе къ нему въ древней Церкви и сравненіе его съ Василиемъ
Великимъ.

Въ дополненіе къ жизнеописанію св. Григорія находимъ нужнымъ познакомить читателя съ нѣкоторыми чертами нравственнаго его характера, о которыхъ не было повода говорить при послѣдовательномъ изложеніи событій его жизни и подвиговъ служенія Церкви. Свѣденія объ этомъ заимствуемъ изъ писемъ Григорія ^{а)}.

а) Всѣхъ писемъ Григорія Богослова дошло до насъ 243. Многія изъ нихъ болѣе замѣчательны по учености и краснорѣчію, чѣмъ по раскрытію предметовъ христіанской вѣры и дѣятельности. Впрочемъ есть и такія, въ коихъ разсматриваются догматы вѣры и вопросы нравственные. Важнѣйшія по содержанію суть два письма Клеодію противъ аполинаристовъ. Эти посланія заслужили высокое одобреніе и отъ отцевъ ефесскаго и халкидонскаго Собора. Изъ писемъ нравственнаго содержанія въ одномъ излагается ученіе о клятвахъ; въ другихъ св. Григорій увѣщаваетъ иногда къ единодушію въ дѣлѣ вѣры, иногда къ поступленію въ монашеское званіе, или къ прощенію обидъ, или къ благодушному перенесенію скорбей, а также къ исполненію завѣщанія родителей. Есть письма, въ коихъ обличаетъ и за преступленія, запрещаетъ разводъ и даетъ наставленіе, какъ праздновать христіанскіе браки. Есть довольно писемъ ходатайственныхъ.

Богомыслие такъ было постоянно въ Григоріѣ, что онъ безъ всякаго сомнѣнія дозволяетъ о себѣ такія выраженія: «О Пресвятой Троицѣ я чаще говорю, нежели дышу, говорю среди опасностей и когда нѣтъ опасностей» (пис. 97).

Подобно другу своему Василию, онъ утѣшеніемъ для себя считалъ ходатайствовать за несчастныхъ; и его ходатайство, сколько можно судить по письмамъ, было по большей части уважаемо. Правители 2-й Каппадокіи, къ которой принадлежалъ Назіанзъ, весьма уважали Григорія, хотя нѣкоторые изъ нихъ были и язычники, напр. Немезій; это особенно видно изъ тѣхъ благодарственныхъ писемъ, которыя Григорій писалъ къ градоправителямъ, при извѣстіи о перемѣщеніи ихъ на другія должности. Извѣстно еще, что по его ходатайству назіанзянамъ дважды даровано было прощеніе, несмотря на то, что за возмущеніе, произведенное ими, предположено было до основанія разрушить самый городъ. Всѣхъ ходатайственныхъ писемъ св. Григорія дошло 67, но изъ нихъ въ 24 испрашиваются милости родственникамъ Григорія, особенно племяннику Никовулу (п. 133). Воспитаніемъ его такъ былъ озабоченъ Григорій, что вниманія къ нему и надзора за нимъ просилъ чрезъ свои письма у всѣхъ софистовъ и риторовъ, бывшихъ при тѣхъ училищахъ, въ коихъ разновременно обучался Никовуль. Это было тѣмъ необходимо, что Никовуль, при очень хорошихъ способ-

ностяхъ, не отличался должнымъ прилежаніемъ. Набожный дядя просилъ иногда и епископовъ позаботиться объ отысканіи квартиры для его племянника, только поближе къ церкви (п. 140).

Безкорыстіе Григорія было такъ любезно душѣ его, что, продавая Адамантию свои риторическія книги, онъ опасался, чтобы покупатель не поцель его корыстолюбивымъ; и потому, не назначая цѣны за книги, онъ объявилъ только, что какая бы ни была плата, она поступитъ къ нищимъ. Принесли только деньги, писалъ онъ, а возраженіе рѣшать нищіе (п. 6).

Въ письмахъ своихъ часто упоминаетъ Григорій о большомъ числѣ своихъ друзей, но въ то же время замѣчаетъ: «когда называю кого друзьями, то разумью людей прекрасныхъ, добрыхъ, соединенныхъ со мною узами добродѣтели» (п. 27). Поэтому же, когда онъ рекомендовалъ какому-то Стратигію одного сопресвитера Сакердота, то прибавлялъ: увидѣвъ Сакердота, я очень увѣренъ, ты скажешь: Григорій подлинно любитель всего прекраснаго (п. 197). Большая часть друзей Василіевыхъ были, какъ видно, и друзья Григорія. Таковы магистръ Софроній, Григорій нисскій, Воспорій колонійскій, св. Амфилохій иконійскій. Отъ послѣдняго Григорій получилъ до тысячи писемъ. «Бодрствую ли я, или сплю, у меня не прекращается попеченіе о твоихъ дѣлахъ,—такъ пишетъ Григорій Амфилохію,—и ты сталъ добрымъ смычкомъ и строй-

ною лирою, поселившись въ душѣ моей послѣ того, какъ, пиша ко мнѣ тысячи писемъ, усовершеня въ познаніи моей души» (п. 150). Особенно много пріобрѣлъ Григорій для себя друзей, и притомъ изъ числа первыхъ сановниковъ Имперіи, живя два года въ Константинополѣ. Таковы были, напримѣръ, два консула, къ коимъ онъ обращался съ просьбами объ умиротвореніи дѣлъ церковныхъ. По первымъ и искреннимъ другомъ, также какъ и Василій, св. Григорію называетъ Софронія. Дружба Григорія съ Василюемъ, по случаю отказа отъ сасимской каюедры, повидимому не далека была отъ разрыва; съ одной стороны сыпались рѣзкіе и колкіе упреки въ лѣности, а съ другой въ гордости, но дѣйствія, единовременныя этимъ письмамъ, въ томъ и другомъ показывали высокое взаимное расположеніе и уваженіе. О глубокой преданности Григорія своимъ друзьямъ ясно говоритъ и письмо къ Амазонію, писанное вскорѣ по удаленіи изъ Константинополя. Вотъ какъ оно читается: «если кто изъ общихъ нашихъ друзей (а ихъ, какъ увѣренъ я, много), спроситъ у тебя: гдѣ теперь Григорій? что дѣлаетъ? смѣло отвѣчай, что любомудрствуетъ въ безмолвіи, столько же думая объ обидчикахъ, сколько и о тѣхъ, о комъ неизвѣстно ему, существовали ли когда на свѣтѣ. Такъ онъ непреодолимъ! А если тотъ же человекъ еще спроситъ тебя: какъ же онъ переноситъ?»

сильную разлуку съ друзьями? то не отвѣчай уже смѣло, что любомудрствуетъ, но скажи, что въ этомъ очень малодушествуетъ. Ибо у всякаго своя слабость: а я слабъ въ отношеніи къ друзьямъ и дружбѣ». Въ числѣ друзей Григорія было не мало софистовъ и риторовъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ убѣждалъ ихъ оставить занятіе софистикою (п. 129), а одного изъ нихъ, именно ритора Евдоксія, склонялъ и къ монашеской жизни по слѣдующимъ причинамъ: «во 1-хъ, пишеть св. Григорій, у тебя, какъ мнѣ представляется, есть свои правила жизни, нравъ тихій и нехитростный, неспособный къ изворотливости въ свѣтѣ; во 2-хъ, у тебя душа даровитая, возвышенная и легко вдающаяся въ умозрѣнія; въ 3-хъ, болѣзненность и тѣлесная немощь, а это и Платону не маловажнымъ кажется въ дѣлѣ любомудрія. Сверхъ того, ты въ такомъ возрастѣ, когда страсти начинаютъ покоряться (п. 135). Языкъ у тебя не золъ, родъ у тебя не худой, и вовсе ты человѣкъ не для народнои площади; поэтому не соглашайся имѣть превосходство между галками, когда ты въ состояніи быть орломъ! Долго ли играть съ дѣтьми въ куклы и приходиться въ восторгъ отъ рукоплесканій?» Увѣренность, что исполненіе сего совѣта принесетъ много утѣнительныхъ плодовъ для софиста, эта сильная увѣренность побудила Григорія заключить письмо такими словами. «Очень знаю, похвалишь

меня теперь не много, а вскорѣ несравненно больше, когда увидишь себя въ томъ состояніи, какое обѣщаю, и когда найдешь, что это не пустое блаженство, не вымыслы ума, но самая дѣйствительность».

Весьма замѣчательно по искусству и по чувству письмо Григорія писанное въ защиту своей племянницы Алипіаны (которая была дочь Горгоніи). Мужъ Алипіаны порицалъ ее за малый ростъ. Посему св. Григорій писалъ: «осмѣиваешь у насъ Алипіану, будто бы она мала и недостойна твоей великости, длинный и огромный великанъ и ростомъ и силою. Теперь только узналъ я, что и душа мѣряется и добродѣтель цѣнится по вѣсу, что дикіе камни дороже жемчужинъ, и вороны предпочтительнѣе соловьевъ. Возми себѣ величину и ростъ въ нѣсколько локтей, и ни въ чемъ не уступай Цереринымъ жницамъ; ты правишь конемъ, мечешь копіе, у тебя забота—гоняться за звѣрями; а у ней нѣтъ такихъ дѣлъ; небольшая нужна крѣпость силъ владѣть челнокомъ, обходиться съ прялкой и сидѣть за ткацкимъ станомъ;—а это преимущество женщинъ. Но если присовокупить, какъ Алипіана до земли преклонена въ молитвѣ и высокими движеніями ума всегда собесѣдуетъ съ Богомъ, то предъ этимъ что значать твоя высота и твой тѣлесный ростъ? Посмотри на ея благовременное молчаніе; послушай, когда гово-

рить; разсуди, какъ непривязана къ нарядамъ, какъ поженски мужественна, какъ радѣеть о домѣ, какъ любить мужа; и тогда скажешь словами одного Лакедемонянина: «подлинно душа не мѣряется; и внѣшнему человѣку должно имѣть у себя въ виду и внутренняго». Если применишь это во вниманіе, то перестанешь шутить и смѣяться надъ малымъ ея ростомъ, а назовешь себя счастливымъ за супружество съ нею».

Скажемъ теперь о томъ уваженіи, какимъ Григорій пользовался въ древней Церкви. Въ произведеніяхъ древней церковной письменности не дошло до насъ ни одного похвальнаго слова Григорію Богослову, но одно наименованіе его Богословомъ, съ пятаго вѣка ⁶⁾ усвоеннос ему Церковію и одинаковое съ проименованіемъ возлюбленнаго ученика Иисусова, одно это имя лучше всѣхъ похвальныхъ словъ говорить о высокомъ уваженіи къ нему. Но увѣренію пресвитера Григорія (живнаго въ VIII вѣкѣ), это названіе дано Григорію назіанзскому, потому что никто ни прежде, ни послѣ не увлекалъ такъ своими догматическими бесѣдами, не заставлялъ такъ полюбить Богословіе, какъ Григорій Назіанзинъ. Дѣйствительно, въ одинъ годъ незнакомому пришельцу возстановить православіе въ такой столицѣ, въ

6) Св. Нила Синаита объ осьми помыслахъ.

которой сорокъ лѣтъ предъ симъ господствовало аріанство,—это истинно изумительный подвигъ, который несомнѣнно свидѣтельствуешь о великомъ обилии благодатныхъ даровъ въ проповѣдникѣ. Св. Василій Великій писалъ Евсевію самосатскому епископу: «если бы Григорію нужно было поручить въ управленіе Церковь, соотвѣтствующую его дарованіямъ, то таковою была бы вся Церковь собранная подъ солнцемъ» (п. 98). Событія показали, что эти слова для своего пониманія не требовали большихъ ограниченій. Еще когда Григорій не былъ посвященъ во пресвитера, св. Василій называлъ его, въ письмѣ къ Кесарійскимъ монахамъ (п. 8), сосудомъ избраннымъ, глубокимъ кладяземъ и устами Христовыми; а что сказалъ бы Василій о Григоріѣ, если бы дожилъ до 384 года? И на западѣ имя Григорія Богослова было въ великой славѣ. Блаженный Іеронимъ думалъ немало возвысить себя чрезъ то, что своимъ учителемъ въ изъясненіи Писанія называлъ Григорія Богослова. Руфинъ былъ врагъ Іерониму, но и онъ такъ почиталъ Григорія, что несогласіе въ чемъ нибудь съ ученіемъ Григорія Богослова признавалъ несомнѣннымъ признакомъ уклоненія отъ Православія. Православная наша Церковь въ одной изъ пѣснопѣній (именно кондакъ) называетъ Григорія Богослова «умомъ крайнѣйшимъ».

Извѣстно, что ни на чьи отеческія творенія не писано такъ много толкованій, какъ на сочиненія Григорія Назіанзина. Такъ въ 5 вѣкѣ писалъ толкованія на св. Григорія Ноннъ пентапольскій, въ 7 в. св. Максимъ Исповѣдникъ, въ 8 Илія митрополитъ критскій, Григорій пресвитеръ, описавшій его жизнь, и многіе въ 10, 11 и 12 вѣкахъ. Все это конечно была дань искренняго уваженія къ вселенскому учителю и слѣдствіе высоты его ученія, а отнюдь не темноты изложенія мыслей, хотя правда и то, что сочиненія исполненныя глубокомыслія требуютъ бѣльшихъ трудовъ для пониманія, чѣмъ тѣ сочиненія, которыя поражаютъ болѣе цвѣтами ораторскаго краснорѣчія.

Послѣ этого неизлишнимъ еще представляется коснуться вопросовъ: что есть сходнаго и различнаго между Василиемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ? есть ли какое преимущество у одного предъ другимъ, или они во всемъ равны между собою? Эти вопросы занимали нѣкоторыхъ и въ древности. Ближайшіе наприм. ко времени Василія Великаго и Григорія Богослова церковные писатели затруднялись, которому изъ нихъ отдать преимущество. Вотъ слова о семъ церковнаго историка Сократа: «память о Василіѣ и Григоріѣ, сохраняемая всеми людьми, и ученость написанныхъ ими книгъ уже достаточно свидѣтельствуютъ о знаменитости того и друга-

го; въ свое время они принесли много пользы церквамъ, ихъ считали пламенниками вѣры. Но еслибы кто захотѣлъ сравнить Василія съ Григоріемъ, представить душевныя свойства, образъ жизни того и другаго и свойственныя каждому добродѣтели, тотъ затруднился бы, котораго изъ нихъ предпочесть, ибо по образу жизни и по образованію, т. е. по своимъ познаніямъ въ еллинскихъ наукахъ и въ священномъ Писаніи, они были равны другъ другу» (4, 26). Самъ Григорій Богословъ пишетъ о себѣ, что онъ всегда предпочиталъ себѣ Великаго Василія, и потому письма его клалъ напередъ, а свои за ними; Василій же, по его словамъ предпочиталъ себѣ Григорія (п. 52). Въ 12 вѣкѣ въ царствованіе Алексѣя Комнина въ Константинополѣ дошло дѣло даже до споровъ по сему предмету. Одни почтенныя и добрыя люди ставили выше Василія, тогда какъ иные особенно преданы были Григорію Богослову, говоря, что онъ по изяществу и разнообразію изложенія, по звучности словъ и по цвѣтистости выраженій превосходитъ всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ языческихъ, такъ и нашихъ. Третьи возвыщали Златоуста, какъ болѣе человѣчнаго въ поученіяхъ своихъ, и за множество медоточныхъ словъ и силу мысли. Одни по сему назывались Василіанами, другіе Григоріанами, иные Іоаннитами. Спустя немалое время послѣ этихъ споровъ святители сіи явились Іоанну, епископу

Евхаетскому, сперва по одиночкѣ, а потомъ всѣ, и сказали ему: мы, какъ видишь, едино предъ Богомъ; каждый изъ насъ въ свое время, руководимый Божественнымъ Духомъ, составилъ ученіе для спасенія человѣческаго. Нѣтъ между нами ни перваго, ни втораго. Поэтому, вставши, пригажи спорящимъ прекратить споры изъ-за насъ. Соедини насъ во одинъ день и, какъ тебѣ покажется приличнымъ, совершай праздникъ во имя наше и потомкамъ передай, что мы равны предъ Богомъ. И мы непременно будемъ содѣйствовать спасенію тѣхъ, которые будутъ совершать праздникъ въ общую память нашу». Слѣдствіемъ этого видѣнія было, какъ извѣстно, установленіе праздника въ честь трехъ святителей 30 января.

Несомнѣнное различіе между Григоріемъ и Василиемъ состоитъ только въ томъ, что первый былъ гораздо чувствительнѣе послѣдняго; потому Григорій, лишь только замѣчалъ завистливое нерасположеніе къ себѣ нѣкоторыхъ, желалъ уклоняться отъ поприща своего служенія, чтобы не подать повода къ несправедливымъ о себѣ толкамъ. И Василию не менѣе приходилось терпѣть отъ своихъ завистниковъ и особенно отъ Евстаѳіанъ; но призванный однажды на чреду своего служенія, онъ съ твердостію защищалъ свои права, а клеветы и обвиненія отражалъ только частными письмами, не оставляя самой должности. Съ нравственной стороны то и другое конеч-

но законосообразно. Но гдѣ больше самопожертвованія, трудно рѣшить. Не мало нужно конечно терпѣнія и тогда, когда остаются при своихъ должностяхъ, несмотря на то, что иные неизмѣнную ревность о благѣ Церкви называютъ гордостію или упрямствомъ. И такіе подвиги очевидно соединяются съ самопожертвованіемъ, такъ какъ наша честь и слава составляютъ часть нашего благополучія. А эта твердость и сила есть преимущественно достояніе Василія. Какъ проповѣдники и ораторы, Василій и Григорій истинно неразличимы. Единственно болѣе вѣрный оттѣнокъ различія между ними дѣйствительно представляется тотъ, что въ проповѣдяхъ у Григорія чаще можно встрѣчать рѣчь болѣе сжатую, чѣмъ живописно подробную и общепонятную. Вообще же совершенства ихъ краспорѣчія очень единообразны; такъ должно быть и потому, что, при единообразіи направленія, они слушали однихъ наставниковъ и имѣли одинаковые успѣхи во всѣхъ наукахъ. Правда, что болѣе изящества и dokonченности въ пяти словахъ Григорія о Богословіи, чѣмъ въ пяти книгахъ Василія противъ Евномія; но это различіе объясняется самою цѣлію сочиненій. Василій опровергалъ апологію Евномія примѣнительно къ порядку ея словъ и мыслей; а Григорій занимался рѣшеніемъ устныхъ возраженій, которымъ онъ естественно долженъ былъ усвоить порядокъ, болѣе приличный цер-

ковнымъ бесѣдамъ. При этомъ хотя послѣдній замѣчаетъ, что онъ не хочетъ построить своихъ бесѣдъ на чужомъ основаніи, но нерѣдко повторяетъ мысли Василія почти его же словами в).

в) Въ Прологѣ подъ 30 днемъ января говорится: „если нужно, чтобы между людьми былъ нѣкоторый образецъ и монументъ, сложенный изъ всѣхъ по частямъ добродѣтелей, это былъ великій Григорій. Чистотою жизни превосходя всѣхъ отличавшихся своею дѣятельностію, онъ столько преуспѣлъ въ богословіи, что мудростию своею превзошелъ всѣхъ какъ по силѣ слова, такъ и по знанію догматовъ, почему и получилъ названіе Богослова.“ Но здѣсь же и о Василіѣ Великомъ сказано: „онъ краснорѣчіемъ превзошелъ не только современниковъ, но и жившихъ прежде его. Изучивши всѣ науки, онъ въ каждой былъ первымъ. Будучи столько же совершенъ и въ исполненіи правилъ любомудрія, онъ достигъ чрезъ это созерцанія сущаго.“ Такой отзывъ видимо высказанъ въ соотвѣтствіе видѣнію о трехъ святителяхъ Іоанна Евхантакаго.

(Изъ ежемѣсячнаго журнала Душеполезнаго Чтенія 1864 г.).

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу: www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru